

ВСЕПИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

Сергей Вишняков

ПРЕТОРИАНЦЫ

Всемирная история в романах

Сергей Вишняков

Преторианцы

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

Вишняков С. Е.

Преторианцы / С. Е. Вишняков — «ВЕЧЕ», 2023 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-8860-3

Преторианцы – гвардия римских цезарей, которая своими силами способна возвести на трон Римской империи кого угодно. Только заплати. В 193 году н. э. после убийства Коммода место императора достается Публию Гельвию Пертинаксу, сыну вольноотпущенника. Несмотря на то что Пертинакс задолжал преторианцам половину денег, обещанных за поддержку, он убежден, что останется императором долго. Пертинакс не хочет верить, что преторианцы, привыкшие при Коммодe к разгульной жизни, вседозволенности и частым подаркам, уже ищут повод для бунта. И все же преторианцев нельзя назвать торгашами, которые лишь прикидываются воинами. Они способны на смелые и отчаянные поступки, им не чуждо благородство, а кем-то движет вовсе не жажда выгоды, а бескорыстная любовь к женщине.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-8860-3

© Вишняков С. Е., 2023
© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

Об авторе	6
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	18
Глава четвертая	34
Глава пятая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сергей Евгеньевич Вишняков

Преторианцы

Сергей Евгеньевич Вишняков

© Вишняков С.Е., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Об авторе

Сергей Евгеньевич Вишняков родился в 1983 году в Саранске. Учился на Медицинском факультете Мордовского государственного университета им Н.П. Огарева. Писал стихи, печатавшиеся в коллективных сборниках, играл в рок-группе, где также являлся автором текстов песен. В 2009 году за цикл стихотворений «Последняя песнь паладина» стал лауреатом литературной премии имени поэта А.Н. Терентьева в городе Саранске. С детства увлекался историей и мечтал стать писателем. Особенно интересовался темой Средневековья, что отразилось в долгой и упорной работе над первым романом – «Пятый крестовый поход», посвященным одноименному походу, состоявшемуся в 1217–1221 годах против Египта. С 2011 года живет и работает в Москве, совмещая врачебную деятельность с литературным творчеством.

После первого посещения в 2012 году Италии загорелся темой Античности. Рим, Помпеи, Геркуланум – все это явилось неиссякаемым источником вдохновения. Несколько раз возвращаясь в Рим, тщательно изучив его исторический центр, наполненный древними руинами, автор пришел к идее создания нескольких произведений на античную тематику. Первым был роман «Тевтобургский лес» про легендарную битву 9 г. н. э. в Тевтобургском лесу трех римских легионов против восставших германских племен. За ним последовала повесть «Падение Геркулеса» о заговоре против римского императора Коммода.

В 2019 году в издательстве Вече был издан роман «Пятый крестовый поход», а в 2020 году – роман «Тевтобургский лес» в одном томе вместе с повестью «Падение Геркулеса». В 2021 году был закончен роман «Преторианцы», являющийся логическим продолжением «Падения Геркулеса», однако история, рассказанная в романе, легко воспринимается как самостоятельная. Роман «Преторианцы» посвящен короткому правлению римского императора Пертинакса в 193 г. н. э. и острой политической борьбе за трон.

В январе 2022 года автор был удостоен премии главы Республики Мордовия за роман «Тевтобургский лес».

В сентябре 2022 в журнале «Литерра Nova» был напечатан рассказ автора «Только ночь» в жанре ужасов, который частично автобиографичен и также имеет важную отсылку к современным событиям в нашей стране.

На данный момент Сергей Вишняков работает над романом о Седьмом Крестовом походе, где расскажет о важной исторической личности эпохи Средневековья – короле Франции Людовике Святом.

Избранная библиография:

Пятый крестовый поход, 2019

Тевтобургский лес, 2020

Преторианцы, 2022

Глава первая

По *фламиниевой* ¹дороге мчался всадник – высокий мужчина около тридцати лет приятной внешности. Из-под капюшона шерстяной *пенулы* выглядывали белокурые волосы. Всегда многолюдная дорога, связывающая Рим с центральной и северо-западной частью Италии, была почти пуста. Всею виной январский холод, заставлявший всех, чьи дела не требуют срочного решения, сидеть по домам. И все же всаднику иногда попадались отдельные торговые повозки, их возницы, растирая замерзшие руки, хмуро поглядывали на человека, чей конь несется быстро и успеет донести седока до места назначения, пока тот не окоченел.

Два дня назад выпал снег, и голые поля были покрыты им, словно тонким покрывалом. Редкие птицы прыгали по нему, пытаясь отыскать себе под снегом еду. Всадник и сам чувствовал голод, так как последний раз ел рано утром, а сейчас, он предполагал, время перевалило за полдень. В седельных сумках лежали завернутые в тряпицы сушеные финики, хлеб, несколько яиц, но всадник не хотел задерживаться ни на минуту, зная, что, принеся известие, он может рассчитывать на роскошный обед.

Миль за десять до Рима фламиниева дорога словно ожила. Даже в лютый холод главный город всего мира манил к себе людей всевозможных занятий и достатка. Всаднику попадались бедняки, идущие в Рим искать счастья, работы, да и просто подачек от императора или патрициев; торговцы деревом, вином, сыром, оружием, бронзовыми изделиями, молодыми козлятами, быками, коровами, рабами. Были тут ремесленники, которые сами или при помощи своих рабов наткали целые корзины туник, или изготовили кожаные *кальцеи*, заполнив ими короба, сшили быстро раскупаемые сейчас меховые плащи. Шли охотники, взвалив на плечи подбитую дичь. Несколько ветеранов, отслуживших свой срок в легионах, возвращались домой – в Рим и его окрестности.

Всадник остановился перед большой группой рабов, катившей в колесах-катках мраморные глыбы для будущих колонн. Судя по величине мраморных заготовок, всадник понял, что они предназначаются для грандиозной постройки. Рабов окружали вооруженные надсмотрщики. Всадник спросил у того из них, кто отдавал приказы:

- Какому богу храм будут ставить? Или кто-то из сенаторов себе дом обновляет?
- Говорят, префект Сульпициан начал ремонт храма Мира, господин.
- Спасибо, друг! Счастливо вам докатить их до города!

Всадник улыбнулся – восстановление храма являлось добрым предзнаменованием для начала правления нового императора.

Всадника звали Александр. Он был вольноотпущенником императора Публия Гельвия Пертинакса. Еще месяц назад Александр с женой Ливией влачил нелегкую жизнь в Субурре, пытаясь заработать трудом гончара и вазописца. Но 31 декабря все изменилось. Жестокий император Коммод, возмущавший весь Рим своими гладиаторскими развлечениями, казнями, попойками и полным отсутствием желания управлять государством, умер от апоплексического удара после очередной оргии. Так говорили в сенате и народе. *На самом же деле близкие к Коммоду люди составили заговор.* Любовница Коммода, Марция, дала императору яд. А атлет Нарцисс, с которым Коммод тренировался, завершил дело, задушив императора. На следующий день префект претория Эмилий Лет, являвшийся душой заговора, при помощи своих преторианцев провозгласил императором Публия Гельвия Пертинакса, который также негласно участвовал в деле свержения безумного тирана. Сенаторы, за долгие годы при Коммоду уставшие бояться за свою жизнь, на ступенях храма Юпитера Капитолийского первого января 193 г. н. э. с радостью признали Пертинакса законным новым императором.

¹ Пояснения к словам, выделенным курсивом, см. в комментариях в конце книги.

Александр, который ранее, в бытность Пертинакса наместником Британии, спас его жизнь во время мятежа легионеров, теперь оказался обласкан своим господином. Пертинакс, переехавший в огромный императорский дворец на Палатине, оставил свой роскошный дом в квартале Карины, где жили преимущественно богачи, своему вольноотпущеннику. Однако не успел Александр прожить в роскоши и двух дней, как Пертинакс отправил его с важным поручением на дунайскую границу, в Карнунт, где паннонскими легионами командовал бывший консул Септимий Север. Таким образом, Пертинакс через своего доверенного человека сообщал одному из самых могущественных военачальников империи о том, что в государстве сменился император. В другие провинции также отправились гонцы.

Александр твердо верил, что после стольких лет тирании вновь *вернулись хорошие времена Нервы, Траяна, Адриана, Антонина Пия и Марка Аврелия*. И Пертинакс станет не только достойным продолжателем их созидательной политики, но, возможно, его правление будет более ярким и плодотворным потому, что римскому народу есть с чем сравнивать – все помнят коррупцию, насилие и безумства Коммода.

Александру очень хотелось обнять жену, но первым делом он был обязан побывать во дворце и доложить императору об успешности поездки. Александр мысленно уже целовал свою прекрасную Ливию, и от этих мыслей ему становилось теплее. Любовь отгоняла холод. И когда он, попав в Рим, промчался мимо терм Нерона, а затем терм Агриппы, в которые шли погреться и скрасить свой досуг толпы римлян, ему нисколько не захотелось присоединиться к ним. Он знал, Ливия лично приготовит для него целый бассейн с лепестками роз! Теперь они богаты, жизнь в Субурре навсегда осталась в прошлом. Но Александр часто вспоминал это прошлое – бедное, но уютное и очень милое.

Вот уже над улочками показался Капитолийский холм, а над ним, подпирая хмурое небо золотой крышей, возвышался храм Юпитера Капитолийского. Еще совсем недавно Пертинакс принес верховному богу свои императорские дары. Александр с Ливией тогда стояли довольно далеко, оттесненные сенаторами и всадниками, и поэтому сами не видели, но в толпе говорили о благочестивом выражении лица императора, и даже некоторой робости, с которой он смотрел на золотую статую Юпитера. А потом Александр слышал, что на глазах Пертинакса кто-то увидел слезы. Еще бы! Не сидел еще на троне империи *сын вольноотпущенника, торговца шерстью*.

Александр подумал, что, может быть, храм Юпитера еще увидит триумфальную процессию. Пусть Пертинакс стар, чтобы самому командовать легионами и громить варваров, но его военачальники, такие как, например, Септимий Север, могут одержать громкую победу от имени императора. И тогда Публий Гельвий Пертинакс проедет в колеснице триумфатора.

Так, предаваясь мечтам, чувствуя себя спокойно и уверенно, Александр проскакал по Римскому Форуму и поднялся на холм Палатин к воротам огромного дворца, построенного *Домицианом*.

Перед высоким мраморным крыльцом, ведущим на трибуну дворца, где обычно императоры показывались народу, Александр спешил. Подбежавшие рабы тут же подхватили коня. Александр, не спеша, чувствуя собственное достоинство, как лицо, приближенное к императору, поднялся по лестнице. Трибуна заканчивалась грандиозным порталом дворца, украшенным колоннами в коринфском стиле. Он назвал себя преторианцам, охраняющим вход во дворец, и его проводили внутрь.

Александр впервые был во дворце и поразился его размаху и великолепию. Сразу за входом начинался тридцатиметровый тронный зал с высоким полуцилиндрическим кессонным сводом, под которым находились узкие световые окна. В стенах, облицованных светлым мрамором, имелись многочисленные ниши с полукруглыми и треугольными фронтонами, в которых стояли черные базальтовые статуи римских богов и императоров. Здесь были: несколько изображений *Минервы* – любимой богини Домициана, *Аполлон* с лирой, *Диана*, у ног которой

примостился *Актеон*, крылатая *Виктория* на земном шаре, Геракл с дубиной в одной руке и яблоками Гесперид в другой, *Юпитер*, держащий пучок молний, *Асклепий*, вокруг посоха которого обвилась змея. Боги перемежались в нишах с императорами: престарелый Нерва в тоге со свитком в вытянутой руке; Траян в доспехах, у ног которого крылатые Виктории и пленные даки; обнаженный Адриан в образе Аполлона; Антонин Пий, произносящий речь; божественная императрица Фаустина с глобусом в руке; Марк Аврелий и его брат-соправитель Луций Вер, оба в доспехах и плащах; последним в ряду властелинов был Коммод, изображенный еще нежным симпатичным юношей. Пол покрывал замысловатый узор из цветного мрамора, привезенного со всех уголков римского мира.

На противоположном от входа конце зала в стенной нише стоял золотой трон императора, украшенный золотыми орлами, расправившими крылья. На троне сидел Публий Гельвий Пертинакс, беседовавший с консулами Квинтом Фальконом и Гаем Вибианом об увеличении веса *денария*, значительно его потерявшего во время правления Коммода.

Александр отметил про себя, что Пертинакс изменился. Не внешне, конечно, а его привычки. Прежде довольно простой в обращении, он принимает двух консулов в огромном пустом тронном зале, сидя на троне, как будто перед ним большая делегация. Для беседы с двумя высшими магистратами, которых Пертинакс давно лично знал, хватило бы и приватной обстановки. Но, возможно, так это и должно быть, отметил про себя Александр. Он остановился на середине зала и не решался подойти ближе, несмотря на приветственный жест Пертинакса.

– Смелее, мой друг! – окликнул вошедшего Пертинакс. – Мы все хотим услышать от тебя хорошие новости, говори.

Александр приблизился. Он увидел, что густая черная борода Пертинакса еще больше отросла и покрылась серебристым отливом, седых волос на голове также прибавилось. И это всего за две недели! Зато золотой лавровый венок императора смотрелся красиво, гордо!

Александр робко поприветствовал императора и консулов. Квинт Фалькон и Гай Вибиан, сами сыновья консулов, богатые патриции, посмотрели на него, как на насекомое. Приблизительно одних лет с Александром, видя благодушное расположение к нему императора, они опасались таких безродных фаворитов, наводнявших дворец при Коммодe.

– Легат Верхней Паннонии Луций Септимий Север шлет тебе, император, заверения в своей верности и пожелания счастливого и долгого правления! – Александр поклонился и, вытащив из складок плаща свиток, передал его Пертинаксу.

Император взял свиток, развернул его и, пробежав глазами, улыбнулся.

– Что пишет легат? – спросил Квинт Фалькон. – Все ли спокойно на границе, август?

– Да, хвала богам! – ответил Пертинакс.

– Скажи-ка, гонец, – произнес консул Вибиан. – Ты ведь прибыл из Карнунта? Что ты видел по дороге туда и обратно? Знают ли люди о новом императоре? Если да, то что говорят? И еще, как легат Север сообщил легионам о смерти Коммодa и об избрании императором Публия Гельвия Пертинакса?

Александр понял, что в вопросе консула содержатся какие-то сомнения в отношении Септимия Севера и посмотрел на императора.

Пертинакс одобрительно кивнул – Гай Вибиан задавал правильные вопросы.

– Легат Север при мне выступил перед X Сдвоенным и XIV Марсовым Победоносным легионами, совсем кратко упомянув о смерти Коммодa, но при этом подробно рассказав про тебя, император. Однако многословие оказалось даже излишним. Вся *Паннония*, а с ней *Мезия* и *Дакия*, *Реция* и *Норик* знали Публия Гельвия Пертинакса по *маркоманским войнам* Марка Аврелия. Легионеры помнят тебя, мой господин, и передают добрые слова о твоей мудрости и доблести новобранцам. В честь такого великого события легат Север устроил игры в амфитеатре!

Пертинакс снова улыбнулся и погладил бороду. Вибиан и Фалькон слегка наклонили головы в знак почтения императору.

– Что же до обычных провинциалов? Как их настроение? – спросил Фалькон.

Александр замялся. Точного ответа у него не было. Он так торопился сначала в Карнунт, а потом обратно в Рим, что останавливался только на ночлег и сразу, чтобы не терять время, ложился спать, практически ни с кем не заводя разговоры.

– Прошло всего две недели, консул, – уклончиво ответил Александр. – Многие еще ничего не знают. Люди в провинциях мало интересуются политикой, им важно знать лишь, когда придет сборщик налогов и кто устраивает игры в ближайшем городе.

Фалькон усмехнулся.

– Какой честный гонец! При Коммодe он бы рассказал нам, как все вокруг только и молятся на *божественного Геркулеса* и думают не о своем благополучии, а о здоровье и счастье божественного!

– К счастью, эти времена прошли! – подытожил Вибиан.

– Да, я всегда знал, что Александр не станет лукавить, – произнес Пертинакс. – За это я его и уважаю. Мне бы хотелось, консулы, чтобы все вокруг говорили мне только правду, какой бы она ни была. Народ прав, что молчит. Годы правления Коммодa заставили его молчать и бояться. Я обязательно покажу всем – эпоха страха и молчаливого недовольства осталась в прошлом. Нужно вернуть людям память о правлении Марка Аврелия. Я намерен править так, как он.

– Так и будет! Весь римский народ надеется на тебя, император! – воскликнул Фалькон.

Слова консула показались Александру неискренними, весь его тон пронизывала фальшь. Гордый профиль Квинта Фалькона, устремленный на императора, дышал скорее вызовом, чем почтением.

– Благодарю тебя, Александр! Ты верный, хороший человек, – сказал Пертинакс. – Ты устал с дороги. Не хочешь ли поесть, вымыться, отдохнуть? Или сразу отправишься домой, к жене?

– Император, пусть боги даруют тебе многие годы за твою доброту! Я действительно очень устал, но больше всего я хочу вернуться к жене.

Александр ушел. Император попрощался и с консулами, договорившись на завтра снова встретиться и обсудить увеличение веса денария, просевшего во времена Коммодa. Вибиан и Фалькон ушли, а Пертинакс, глядя им вслед, слыша, как гулко раздаются в огромном пустом зале шаги консулов, почувствовал себя неуютно.

Глава вторая

Выйдя из дворца, Александр, несмотря на голод, усталость, тоску по жене, не поспешил вскочить на коня и мчаться домой. Он оглянулся на преторианцев, закрывавших за его спиной двери. Они посмотрели на него почтительно и спросили, не нужно ли ему чего. В ответ Александр промолчал. Он, вольноотпущенник, сын эфесской гречанки и варвара из племени венделиков, теперь мог не отвечать на вопросы преторианцев – сынов древних родов Италии.

Когда ему подвели коня, он бросил рабу сразу несколько денариев и медленно поехал по Палатину. Сердце империи, холм, где почти тысячу лет назад Ромул очертил границу своего города, закованный в мрамор и камень, словно отвечал на мысли Александра гулками отзвуками под копытами коня. Холм принимал Александра. Сколько горя и гордости помнит Палатин! Сколько величия и бесчестия! Александр помнил имена могущественнейших вольноотпущенников при дворе императора Клавдия – Палласа, Нарцисса, Каллиста, Полибия, творивших историю и имевших несметные богатства. И эти имена не давали ему покоя. Еще месяц назад он ни о чем таком и не думал, но сейчас он просто жаждал достичь их уровня.

Александр сам не понимал себя. Всю жизнь служивший Пертинаксу, занимавшему в разные годы крупные должности в государстве, он, казалось бы, должен был привыкнуть к жизни в роскоши, рядом с известными и уважаемыми людьми. Однако Александр всегда находился даже не на вторых или третьих ролях, а был лишь одним из многих, кто служили Пертинаксу. И лишь его смелый поступок в Британии вывел его вперед – когда он вытащил из-под груды убитых восставшими легионерами, задыхающегося наместника. Но тогда его молодая душа, жаждавшая творчества, искусства, а не военных подвигов, повела Александра совершенно другим путем. Пертинакс отпустил его, и Александр странствовал по просторам империи в поисках места, где можно осесть и заниматься вазописью. Великолепное искусство греков не давало ему покоя. Тщеславный от природы, Александр пытался и почти овладел им в совершенстве, мечтая остаться в памяти людей, как *Евфимид*, *Клитий*, *Евфроний*.

В итоге, уставший от долгих скитаний, он все же обрел долгожданное счастье, познакомившись и женившись на девушке, имевшей свой доходный дом в Субурре. И пусть они жили бедно, но счастливо, ведь он открыл гончарную мастерскую и создавал великолепные вазы, а Ливия наполняла вдохновением каждый его день.

В Рим вернулся Пертинакс и разделил консульство с императором Коммодом. Но Александр продолжал жить удаленно, не пытаясь вернуться под крыло всемогущего консула, хотя мог это сделать. Сейчас он удивлялся себе – почему не хотел жить в роскоши, хотя мог прийти к Пертинаксу и попроситься обратно? И всегда скромная Ливия тоже удивлялась этому обстоятельству. Все изменила смерть императора. В ночь убийства Коммода их дом в Субурре рухнул от старости, а новоизбранный император Пертинакс не забыл своего горделивого и сумасбродного вольноотпущенника, отдав ему в управление собственный дом в *Каринах*.

Эти необыкновенные две недели, когда Александр ездил в Паннонию и обратно, изменили в его душе многое. Он ощутил свою причастность к творящейся вокруг него истории. Он, а не кто-то другой принес известие Септимию Северу о смене императора. Он жалел, что ранее не придавал значения многим событиям, свидетелем которых довелось стать, а ведь их ценность многократно возрастет. Это изгнание Пертинакса по обвинению в кознях против Коммода, его помилование и управление Британией, где восстали легионеры. Теперь, когда Пертинакс император, об этих событиях еще не раз вспомнят, и Александр правдиво расскажет о них.

Когда он останавливался на ночлег и говорил, что является послом нового императора, его неизменно обступали толпы людей, расспрашивая, что им ждать от смены власти, и тогда Александр расписывал наступающие новые времена, как возрождение эпохи Марка Аврелия,

Антонина Пия, Адриана и Траяна. Он сам хотел в это верить и заставлял верить других. Александра слушали, и надежда вселялась в сердца людей. И тогда он понял, что быть подручным императора намного лучше, чем слава Евфрония и Клития. Их помнят лишь любители искусства, но тех, кто стоит у подножия трона могущественнейшего государства в мире, будут помнить многие.

Александр остановился у храма Венеры и Ромы, построенного во времена Адриана и являвшегося самым большим храмом в Риме. *Огромный* храм делился на две целлы, в которых находились мраморные изваяния двух богинь. Венера – мать Энея и прародительница Юлия Цезаря, в восточной целле, смотрела в сторону амфитеатра Флавиев. В западной целле, обращенной к Римскому форуму и Капитолию, в нише, обрамленной цветным мрамором, находилось изваяние богини Ромы – покровительницы Рима. Александр спешился и поднялся по ступеням высокого постамента к западной целле.

В высоких боковых колоннадах храма свистел январский ветер. Девушка с парнем стояли среди колонн и целовались, закутавшись в шерстяную пенулу парня. Александр улыбнулся им. Он верил в предзнаменования. Все сегодня сулило хороший день да и весь год, а может, и все правление Пертинакса. И пусть Александр сам так решил, выдумывая приметы под свое настроение, но ему очень хотелось верить, что все так и будет.

Он вошел в храм, глубоко вдыхая морозный воздух. Александр чувствовал – это воздух истории. У противоположной от входа нише он увидел гигантскую статую Ромы. Богиня в шлеме на голове и длинном хитоне сидела на троне. У левой ноги ее находился огромный щит, где были изображены близнецы Ромул и Рем под сосцами капитолийской волчицы. В правой руке богиня держала крылатую Викторию, протягивающую ей лавровый венок.

Александра охватил благоговейный трепет. Он наклонил голову в знак почтения к Роме и, подойдя ближе, взял благовония из мешка, бросил их в курильницу. Отстегнув кожаный кошель, полный монет, оставил его у ног богини. Поглядев на Рому снизу-вверх, как будто заметил, что ее строгое молодое лицо немного улыбнулось. Ободренный, покинул храм и помчался домой.

Под аркой Тита Александр немного попридержал коня, поднял голову и посмотрел на барельефы, изображающие триумф по случаю победы над восставшими иудеями. Александр подумал, что хорошо бы правление Пертинакса ознаменовалось громкими победами и завоеваниями, масштабным строительством великих памятников. Однако он тут же вспомнил последние тяжелые войны, которые вел Марк Аврелий с германскими племенами, и понял, что лучше Пертинаксу стяжать славу не императора-полководца, каким был Траян, а мудрого политика. Время завоеваний закончилось. Нужен долгий мир и всеобщее процветание.

Амфитеатр Флавиев стоял безмолвный и величественный, как и Колосс Нерона рядом с ним. Последнее представление дал накануне нового года Коммод, и после того дня амфитеатр еще ни разу не использовался. Проезжая мимо фонтана, где обычно омывались после боя гладиаторы, Александр услышал, как несколько человек, облокотившись о фонтан и распивая вино, возмущались, что до сих пор нет никаких представлений, а ведь новый император всегда дает гладиаторские бои в амфитеатре. Александр брезгливо подумал о них, что это какой-то нищий скот, распивающий вино на холоде, когда все римляне сидят либо дома, либо в термополях, либо в термах. А еще он заметил, как много места занимает в его мыслях император. И это неправильно. Александр две недели не видел жену. О ней надо думать.

Рядом с термами Тита шла драка. По всей видимости, ее начали двое римлян еще непосредственно в бане, но постепенно в нее влились и их рабы, и все они вывалились на улицу. Потасовка переросла в нешуточный кулачный бой, куда втягивались люди со стороны, желавшие поразмяться или просто согреться из-за холода. Александр проезжал мимо, когда один из дравшихся метнул в другого нож, но промахнулся и попал в коня Александра. Конь, обезумев

от боли, сбросил седока и помчался прочь. Александр больно ударился об уличные камни и громко выругался. Невдалеке уже спешил к дерущимся десяток *вигилов*.

Ругань Александра была услышана, и двое мужчин, озлобленных, с расквашенными носами и в порванной одежде, подскочили к нему и начали избивать ногами. Александр был крепок и неробок, но совершенно не ожидал нападения, и потому сразу пропустил несколько сильных ударов в лицо и грудь.

Вигилы, угрожая копьями и работая дубинками, растаскивали участников драки. Напавшие на Александра мужчины, судя по плохой латыни – варвары, попробовали убежать. Но Александр был уже на ногах и, ловко догнав их, сам опрокинул сначала одного, потом другого на мостовую, ударив дополнительно каждого головой о камни, чтоб они потеряли сознание. Ярость кипела в нем. Он хотел их тут же прикончить, но решил, что не стоит сегодняшний день омрачать убийством, хоть и справедливым. И потому крикнул двух вигилов.

– Я Александр, вольноотпущенник императора! Эти ублюдки напали на меня, когда я возвращался из дворца с поручением от моего господина. Они злоумышляли против меня и, возможно, против императора!

– Но это ж обычные участники драки, вряд ли они выслеживали тебя! – возразил один из вигилов. – Да и не похож ты на вольноотпущенника императора. Весь грязен, одет по-дорожному, без рабов, и кошель у тебя тоже нет. Те, кто служат императору, выглядят по-другому.

– Это точно! – поддакнул второй вигил. – Мы уже столько их видели при Коммодe! Все в золоте, вокруг два-три десятка хорошо одетых рабов.

– Времена Коммоды прошли! – закричал на них Александр. – Теперь его любимчики – ничто! Я живу в Каринах. Пойдемте со мной, и я подтвержу вам, кто я.

– Не с этими же бедолагами под руку мы пойдем к тебе! – возразил первый вигил, указывая на начинающих приходить в себя варваров.

Александр зло глядел то на вигилов, то на валявшихся варваров и представил, как будет глупо, когда после долгой разлуки он заявит к Ливии с такой компанией. Он сказал вигилам, как отыскать его дом, и властно велел им тщательно разобраться в произошедшем.

Александр возвращался домой пешком, раздосадованный на себя и на подвернувшуюся так некстати драку. Ему было неприятно, что какие-то ублюдки подняли руку на человека императора, а вигилы не поверили, кто он такой. Но еще больше досаждала мысль, что сейчас он поступил не как мужчина. Вместо того, чтобы разобраться с двумя варварами самому, он солгал и обратился за помощью к вигилам. Поступил бы он так, если б все еще жил в Субурре и расписывал вазы? Нет, он, продолжая оставаться вольноотпущенником консула Пертинакса, жил, рассчитывая только на себя. Теперь же он почти физически ощущал, как имя императора окутало его самого, стало неотъемлемой частью, как тень. Вазописец Александр исчез, появился помощник императора, когда-то спасший его жизнь.

Александр добрался до своего дома в Каринах замерзший и злой. Он постучал в дверь, но открывшие ее рабы не сразу узнали нового хозяина. Ведь перед его отъездом в Паннонию они видели Александра всего один раз, а теперь он явился грязный, оборванный и с опухшим от побоев лицом и в крови. Рабы растерянно глядели на него, начиная узнавать в пришедшем вольноотпущенника императора. Эта заминка добавила Александру раздражения.

– Это я! Вы что, вздумали не пускать хозяина? С дороги, свиньи!

В *вестибуле* он натолкнулся на других рабов, судя по всему, ждущих кого-то. Александр подумал, что вряд ли это его новые рабы, которых приобрела Ливия. Мужчины-рабы недоуменно смотрели на вошедшего человека с властными замашками, но выглядевшего, как побитый бродяга.

Александр решительно двинулся в *атриум*, мельком взглянул на *ларарий* и совсем неблагочестиво, вместо молитвы, что-то пробубнил себе под нос. В атриуме он натолкнулся на шикарный паланкин, чьи драпировки украшали вышитые золотой нитью орлы. Мысль о том,

что в его доме гости, Александру сразу не понравилась. Потому что в атриуме никого не было, он предположил – посетитель в *триклиний*.

Но прежде чем ринуться в триклиний, он все-таки обернулся и спросил своих рабов, кто посетитель.

– Сенатор Марк Дидий Сальвий Юлиан Север, мой господин! – ответил, поклонившись, раб.

От удивления Александр даже приоткрыл рот. Он знал о сенаторе Дидии Юлиане немного. Свое первое консульство восемнадцать лет назад Пертинакс делил именно с этим человеком. Дидий Юлиан проявил себя как хороший полководец в Маркоманских войнах Марка Аврелия, а также умело управлял Далмацией, Белгикой, Нижней Германией, отражая нападения варваров. Еще Александр знал, что этот сенатор очень знатен и богат, хотя последние годы не занимал никаких важных должностей в империи и жил частной жизнью.

Что понадобилось сенатору в доме императорского вольноотпущенника? Пока еще Александр не создал себе имени и не приобрел политического веса, чтобы перед ним заискивали благородные патриции. Удивление Александра сменилось нехорошим подозрением.

– Сенатор впервые посетил этот дом? – спросил он раба. – Я имею в виду, впервые после того, как император сделал меня хозяином здесь?

– Нет, господин, благородный Дидий Юлиан уже в третий раз оказал честь твоему дому!

Учитывая то, что все посещения проходили в отсутствие Александра, значит, сенатор приходил не к нему, а к его жене. Александр попытался взять себя в руки, пошел в свою комнату, запретив рабам сообщать Ливии о его возвращении. Он умылся, переоделся, ежесекундно стараясь справиться с нарастающим внутренним напряжением, и только полностью приведя себя в порядок, пошел в триклиний. Александр одновременно и желал, и боялся туда войти. Боялся увидеть что-то очень нехорошее. Он не сомневался в верности его любимой Ливии. Но сенатор мог наплевать на все преграды, зная, что мужа нет дома. Остановит ли Дидия Юлиана римский закон? В правление Коммода суды стали настолько продажными, что для такого богача, как Юлиан, нужное ему решение судьи не проблема.

Александр толкнул дверь и вошел. Триклиний украшали фрески с горными пейзажами, в антураже которых кентавры заигрывают с полуголыми девушками, на полу мозаика, изображающая приключения Геркулеса в саду Гесперид. Посередине комнаты, напротив небольшого фонтанчика с водой, бьющего изо рта мраморного пьяного сатира, находился низкий стол. Еды на нем было совсем немного. Пара серебряных блюд с мясом и овощами и амфора с вином. По обе стороны стола каждый на своем ложе возлежали двое – справа хозяйка дома Ливия, а напротив нее гость – сенатор Дидий Юлиан.

В тот момент, когда Александр вошел, сенатор, тихонько посмеиваясь, что-то рассказывал Ливии. Молодая девушка молча слушала его. Увидев вошедшего, она вскрикнула от радости и, кратко извинившись перед гостем, быстро поднялась навстречу мужу. Александр немного успокоенный, обнял ее и поцеловал.

Ливия оглядела лицо мужа и настороженно спросила:

– Что с тобой случилось, любимый? У тебя опухла губа и щека!

– Пустяки! – ответил Александр, крепко обнимая жену на глазах у сенатора. – Дорожные издержки.

– Прости, сенатор! – повернулась к гостю Ливия. – Я не представила тебе своего мужа и хозяина этого дома. Это Александр! А это сенатор Марк Дидий Сальвий Юлиан Север, оказавший нам честь своим посещением.

Дидию Юлиану было шестьдесят лет, однако он сохранил молодцеватый, подтянутый вид, и лишь значительная седина в волосах и холеной бороде выдавала его возраст. Сенатор поднялся, приветствуя Александра.

– Ты говоришь, Ливия, что твой муж здесь хозяин, а мне казалось, что это до сих пор дом Пертинакса! Что ж, император имеет право на щедрые подарки.

Александр понял, что сенатор решил поставить его на место – место вольноотпущенника, еще до того, как заговорит с ним. Впрочем, он и не стал говорить. Дидий Юлиан без всяких церемоний коротко попрощался с Ливией, бросил безразличный взгляд на Александра и ушел.

Ливия хотела проводить сенатора, но Александр удержал ее за край туники.

– Мы не варвары! – заметила Ливия мужу. – Гостей надо провожать.

Однако, увидев его подавленный взгляд, она не пошла вслед за Дидием Юлианом, а осталась в триклинии.

– Ты голоден, любимый? – спросила она.

– Не ел с самого раннего утра.

– Сейчас я крикну рабыням, они принесут восхитительные морские гребешки в шафрановом соусе. Их только-только должны были приготовить.

Александр сел на ложе у стола, взял кусочек говядины и стал медленно жевать.

– Видишь, милая, мы можем есть дорогую рыбу, гребешки в самом дорогом соусе, но не можем не принять сенатора, не можем не терпеть его презрения. Ну, во всяком случае, я, он же приходил к тебе, значит, тебя он привечает.

– Что ты, любимый! Я все тебе сейчас объясню. Вот, выпей вина.

– Из этой чаши пил сенатор, я не буду.

– Хорошо, давай я выпью из этой, а ты – из которой пила я.

– Нет, ты пей из своей, а я не буду.

– Почему? Давно ли мы жили среди бедняков и ждали арендной платы с наших нищих жильцов, как чуда богов? Что случилось, откуда такая необъяснимая гордость?

– Не так я представлял нашу встречу после разлуки, Ливия, – ответил Александр, отпивая глоток вина из чаши жены, которую она настойчиво ему протянула.

– Я тоже. Но что теперь поделаешь? А давай сделаем так, будто ты только что вошел в дверь, а я тебя встречаю?

– Не надо этих игр, Ливия. Неслучившегося искренне не создать искусственно. Лучше расскажи честно, все как есть, почему к нам в дом приходит сенатор Дидий Юлиан?

– Ты только успокойся, любимый! Эй, несите скорее гребешки да хиосского вина!

– Хиосского? – Брови Александра удивленно поднялись.

– Раз мы едим с шафрановым соусом, почему бы нам не иметь пару амфор хиосского? – лукаво улыбнулась Ливия. – Император хоть и бережлив, но свой дом не забывает. Так вот слушай. Сенатор впервые пришел на следующий день после того, как тебя отправили к Септимию Северу в Паннонию. Пертинакс как раз только переселился во дворец на Палатине. Дидий Юлиан хотел застать здесь Пертинакса, говоря, что и не знал о переезде. Да весь Рим знал и видел эту торжественную процессию, а он не знал! Странно, правда? Когда я ему несколько раз повторила, только тогда он, разочарованный, ушел.

– Да, очень странное поведение. Ты знаешь, это походило на некое презрение, несогласие с тем, что Пертинакс стал императором. Ты не сообщила об этом императору?

– Нет, он здесь больше не появлялся, а я, если честно, даже боюсь идти во дворец без тебя.

– Обязательно пойдем, Ливия. Думаю, Дидий Юлиан предполагал, что о его посещении станет известно Пертинаксу и намеренно так себя вел. Он завидует ему! Когда он пришел во второй раз?

– Точно не помню, наверное, дней через пять после первого посещения.

– И что он хотел?

Ливия покраснела. Рабыня только что принесла морские гребешки, но Александр даже не притронулся к ним, тревожно глядя на жену.

– Дидий Юлиан пришел подарить мне золотой браслет с изумрудами.

– Ты его приняла?

– Да, я не могла сказать сенатору, что не возьму его подарок. Он сенатор, Александр!

– А ты честная римлянка, свободная женщина, не рабыня или вольноотпущенница, ты могла и не брать браслет. Разве только если он тебе понравился и тебе стало лестно, что сенатор дарит тебе такое дорогое украшение.

– Не буду скрывать, Александр, конечно, мне понравился браслет и то, что сам сенатор мне его подарил. Но ты не думай, что я дура и не понимаю – за все надо платить.

– Он хотел тебя? – прямо спросил Александр и так сжал взятый из блюда морской гребешок, что моллюск вместе с раковиной в его пальцах превратился в слизь.

– Поначалу я тоже так думала, но нет. Он говорил, что восхищается моей красотой, моим добрым характером и тому подобное, но руки не распускал. Честно, Александр! Поверь мне! Клянусь тебе!

– Я верю. Что же тогда ему было нужно?

– Не знаю. Он расспрашивал меня о моей семье, о тебе, о том, как мы стали здесь жить, но я видела, что вопросы сенатор задает без интереса, просто чтобы продолжать беседу. Он еще спрашивал, хорошо ли я знаю императора, благоволит ли он мне.

– Ага, вот оно что!

– Да, в прошлый раз беседа на том и закончилась. А сегодня он спрашивал, не тяжело ли мне вести хозяйство в таком огромном доме. Я сказала, что для этого у меня есть ученые греки-рабы, они за всем следят. Эти же самые рабы – Диоген и Андрокл – сказали мне, что Дидий Юлиан до этих посещений никогда не приходил к Пертинаксу и они не знают, посещал ли Пертинакс сенатора после их совместного консульства.

– Этих рабов я знал еще с детства, они честные люди. Еще в Сирии Диоген и Андрокл – оба отличные математики, знающие несколько языков, – чуть было не стали вольноотпущенниками за свой прекрасный труд, но они сами попросили Пертинакса оставить их у себя, так как не представляли свою жизнь без его доброго покровительства. Что ж еще спрашивал сенатор?

– Спрашивал, сколько денег уходит на содержание такого дома. Дидий Юлиан сетовал, что его вилла намного скромнее, но при этом требует больших денег.

– И что ты ему ответила?

– Ничего.

– Дидий Юлиан очень богат, он точно врет про свой дом. Что он еще говорил?

– Говорил, что у него есть несколько знакомых судей, которые всегда готовы пойти навстречу, и если мне понадобится их помощь...

– Мы под защитой императора! – возразил Александр.

– Я тоже так сказала, но сенатор напомнил, что императоры имеют свойство гневаться без причины и забывать своих верных людей. И если случится такое, он с радостью окажет мне, то есть нам, помощь. А еще сказал, что мы можем рассчитывать на его многочисленных клиентов. В случае чего они вступятся в любой спор и драку.

– Если ты говоришь, Ливия, что он не приставал к тебе, то с чего бы ему обещать помощь и делать подарки совершенно не знакомым ему людям, причем не равным ему? Наверняка он что-то просил!

– Да, в тот момент, когда ты вошел он говорил, что хотел бы знать об императоре, его делах как можно больше – факты, слухи, анекдоты. Якобы он пишет книгу о Марке Аврелии, Коммодe и современности...

– Вот оно что! – воскликнул облегченно Александр. – Теперь все стало понятно, я подозревал, но твои последние слова рассеяли все сомнения. Он просит шпионить для него, Ливия!

– Ты думаешь? – удивилась Ливия. – Но может, он действительно пишет книгу?

– Какую книгу, милая?! Нельзя быть такой доверчивой. Дидий Юлиан завидует Пертинаксу, и вполне может быть, что готовит против него заговор.

– Опять заговоры! Ты скажешь обо всем императору?

– Непременно!

– Давай больше не будем об этом, милый! Пожалуйста! Я так рада видеть тебя, но еще не могла как следует обнять тебя, поцеловать!

Александр оставил морские гребешки и хиосское вино, едва лишь пригубив его, и, сев рядом с Ливией, обнял ее.

– Я люблю тебя! – сказал он, нежно целуя жену.

Глава третья

После ухода консулов Пертинакс еще некоторое время сидел один на троне в пустом зале дворца, глядя на базальтовые статуи предыдущих императоров. Все они происходили из аристократических семей, многих обожествили, и теперь они взирают на него с небесной высоты престола Юпитера. Пертинакс всегда помнил, кто он и откуда, хотя ко временам юности в последние годы в мыслях возвращался редко – богатая жизнь человека с высшими государственными постами отодвигала назад в далекое прошлое момент начала пути.

Вот уже две недели как Пертинакса объявили императором. За плечами его были шестьдесят шесть лет жизни, которая показала, что Рим вступил в новую фазу развития. Если раньше императорами становились по праву крови или по праву древности рода, то теперь на троне цезарей сидит сын вольноотпущенника. Правильно ли это? – тайком задавал себе вопрос Пертинакс. Не прогневаются ли боги, что миропорядок нарушен, или так они сами задумали? Новые времена требуют других решений. Верным является престолонаследие не по праву крови, а по праву здравомыслия и таланта к управлению. Это доказали императоры, начиная от Нервы до Антонина Пия, усыновлявшие наиболее способных людей из своего окружения. Но все они были аристократами. Теперь же история вышла на другой виток, более честный и справедливый. Даже сын вольноотпущенника отныне может управлять величайшей империей. Пусть он и занял трон благодаря убийству безумного и всеми ненавидимого Коммода и помощи преторианцев, но Пертинакс твердо был уверен, что, несмотря на преклонный возраст, успеет доказать – смена власти произошла во благо.

В молодости он начал свою жизнь с преподавания грамматики, которой обучался у Гая Сульпиция Апполинария. Отец Пертинакса с помощью своего патрона – богача Лоллиана Авита, будущего консула, устроил сына к знаменитому учителю грамматики. Пертинакс, проживший раннее детство в лигурийской глуши, приехал ребенком в Рим, пленивший его своим величием.

Воспоминания заставили императора улыбнуться. Он сошел с трона и хлопком ладоней позвал раба. Закутавшись в теплый плащ, Пертинакс отправился в соседний дворец.

Дворец *Тиберия* стоял через дорогу от дворцового комплекса Флавиев. Не такой роскошный, как творение Домициана, много раз перестраиваемый, этот, некогда первый императорский дворец Рима, вызывал у Пертинакса самые теплые воспоминания.

Сюда он приходил вместе со своим учителем, так как библиотека, собранная в стенах дворца Тиберия, пользовалась большой популярностью среди сенаторов и была практически государственным учреждением.

Пертинакс шел мимо внутреннего двора дворца, окруженного аркадами, в глубине которых находились многочисленные комнаты. Император пытался вспомнить, где именно он, будучи ребенком, смиренно прижимая к себе навоощенные таблички и стилус, брел за Сульпицием Апполинарием среди других ребят. Видимо, как раз здесь это и было. Вон рыбный садок со ступеньками внутри. Император заглянул туда. Рыб не было, а тогда, много лет назад, здесь плавали крупные рыбы, чешуя которых отдавала золотистым отливом, и красные рыбы, названия их он не помнил. Пертинакс взял себе на заметку, что надо бы выяснить у смотрителя дворца, почему в садке сейчас нет рыб.

А вот уже и вход в библиотеку. Пертинакс остановился. Его товарищ по учебе и игре сенаторский сын по имени Порций (полного имени его уже не вспомнить) как-то, балуясь, нацарапал внизу на стене у входа в библиотеку неприличное слово, означавшее в просторечии мужской половой орган. Пертинакс усмехнулся при воспоминании. Порций тогда рассмеялся и, все еще ухмыляясь, довольный своей проделкой, вошел в библиотеку, за что его выбрал строгий грамматик Апполинарий. Пертинакс нагнулся и увидел это слово. Красная краска

стен за много десятилетий значительно потускнела, но слово виднелось отчетливо. Он пытался вспомнить, но не мог, при каких обстоятельствах погиб Порций. Парень только-только надел тогу взрослого и вскоре отправился к праотцам. Воистину, написанные, накарябанные, выбитые слова проживут намного дольше любого человека. Пертинакс подумал, что и после него, через века, кто-нибудь обнаружит проказу Порция и так же улыбнется.

Император вошел в библиотеку. Большая комната с деревянными стеллажами, заполненными свитками в футлярах, пергаментными книгами и навоощенными табличками. По углам комнаты и между стеллажами на подставках бюсты мыслителей и писателей. Мраморный пол. Скамьи. Рабы из дворца Тиберия, услужливо шедшие за императором, стали наперебой спрашивать, какую книгу ему достать, но Пертинакс велел всем им выйти, оставив его одного. Геродот, Платон, Аристотель, Софокл, Аристофан, Эсхил, Эзоп, Менандр, Анаксимен, Анаксимандр, Пифагор, Эвклид, Ксенофонт, Диоген, Демокрит, Страбон, Плутарх и еще множество имен греческих авторов манили к себе. Пертинакс повернулся к противоположной стене. Здесь обитель римской мысли. И авторов тоже немало. Император отыскал книги Плиния Старшего и, взяв одну из них, полистал страницы. Все сочинения Плиния он прочел еще в детстве. Ему остро захотелось еще раз перечитать этого писателя-эрудита, быть может, он найдет в его текстах примеры из прошлого, что помогут ему принимать правильные решения в настоящем? Пертинакс, крикнув раба-библиотекаря, сказал, что ждет сочинения Плиния у себя во дворце. Еще он пошарил глазами по стеллажам и нашел Горация, его он так же велел принести. Гораций, как помнил Пертинакс, тоже был сыном вольноотпущенника и добрался, благодаря своему таланту, до невиданных высот. Здесь, в этой библиотеке, Сульпиций Апполинарий диктовал ученикам стихи Горация на слух, а они тщательно записывали их на таблички, практикуясь в правильности писания. Пертинакс осмотрел комнату, вспоминая, где он сидел тогда, но сейчас уже стояли другие скамьи, новые, и совершенно точно в другом порядке. Он хотел было уже уйти, но неожиданно вспомнил Авла Геллия. Есть ли его «Аттические ночи» в этой библиотеке? Авл Геллий поступил в ученики к Апполинарию, когда Пертинакс уже закончил обучение и стал сам преподавать грамматику. Этого сопливого мальчишку он наставлял, как вести себя со знаменитым учителем, какие авторы больше всего нравятся Сульпицию Апполинарию, в какие таверны он обыкновенно любит заходить, чтобы съесть рыбу или мясо, выпить вина, какие термы предпочитает, в каких книжных лавках чаще покупает книги. Авл Геллий стал знаменитым писателем, прославился как честный и опытный судья. Служа в разных уголках империи, Пертинакс не раз слышал, как ученые люди упоминали Авла Геллия и читали его «Аттические ночи», и тогда он сам говорил, что знаком с этим человеком. Теперь Авл Геллий давно умер, но его мысль жива и еще послужит потомкам. Сочинение Геллия отыскалось без труда – новых писателей, пользующихся популярностью, библиотекарь клал на самое видное место.

Забрав «Аттические ночи» и дав себе зарок регулярно заглядывать сюда, Пертинакс покинул библиотеку. Передав книгу рабу, император прошел в переднюю часть дворца, фасад ее нависал над *Форумом*. Говорили, что этот многоэтажный участок дворца Тиберия построил его преемник Гай Германик по прозвищу Калигула. Пертинакс поднялся по мраморным лестницам на самый верхний этаж и, войдя в первую же комнату, раскрыл окно. Холодный ветер растрепал бороду императора. Раб подобострастно спросил, не нужно ли еще теплой одежды, но ответа не получил.

Действительно, здесь был лучший вид с Палатина на Форум да и на весь Рим. Появился смотритель дворца – толстый, запыхавшийся от подъема по лестнице, мужчина средних лет, в небрежно надетой тоге, что говорило о быстром одевании, зато весь в золотых браслетах с драгоценными камнями и перстнях почти на каждом пальце рук.

– Я Секст Умидий Амиций! – провозгласил угодливо толстяк. – Смотритель дворца! Приветствую тебя, *август*! Прости, что не встретил тебя, мне поздно сообщили о твоём приходе, важные дела задержали меня.

Пертинакс оглянулся на него и сразу понял, что важными делами, судя по одежде и помятому, немного опухшему лицу, были выпивка и сон. За смотрителем шел молодой человек, по видимому, вольноотпущенник, тоже весь в украшениях. По тому, какой нежный взгляд бросал на парня Амиций, ожидая распоряжений императора, Пертинаксу стало понятно, что это его любовник. Сколько таких сладострастных развратников, расхитителей государственной казны, наполняло Вектилианскую виллу Коммода!

Пертинакс указал пальцем на браслеты и кольца смотрителя.

– Вижу, что себя ты держишь в блеске и великолепии, Секст Амиций, да и своего друга тоже, а дворец в запустении. В садке нет рыб, краска на стенах облупилась – посмотри, вот хотя бы здесь, и так во многих местах, а ведь я не прошел и половины дворца, во многих углах мусор. Чем заняты рабы? А если пристрастно обращать внимание на все мелочи в каждой комнате, то наверняка общая картина станет похожей на хлев. Давно ты здесь смотритель?

– Пять лет! – дрожа от страха, произнес Амиций, а друг спрятался за его широкой спиной.

– Коммоду было наплевать на все. Я не удивлен, что здесь такое запустение, но вы оба в золоте. Деньги, которые вы сами просили на содержание дворца, конечно же, брали себе.

– О, император! – взмолился Амиций, падая на колени, и гримаса ужаса, исказила его толстое лицо. – Это не так. Коммод ничего не давал. Казной он распоряжался для своих удовольствий, я боялся его и попросить...

Пертинакс видел, что Амиций лжет.

– Не надо валяться, поднимайся, смотритель дворца. Украшения свои и дружка своего сдай в казну, вели рабам все привести в порядок – и можешь дальше служить здесь.

Амиций, ожидавший, что по приказу императора рабы сразу его казнят, ведь именно так все обычно и происходило при Коммодe, безумно обрадовался милости Пертинакса и тут же стал отстегивать браслеты и стягивать с пальцев перстни. Но жирные пальцы сопротивлялись, не хотели отдавать перстни. Любовник смотрителя носил золотые браслеты и на голеньях и, усевшись на полу, снимал их. Вид этих двух человек показался Пертинаксу настолько жалким и отвратительным, что он велел им избавить его от этого зрелища и сейчас же, не мешкая, все снять в другом помещении и отнести в *эрарий храма Сатурна*.

Когда Амиций с дружкой исчезли, Пертинакс вновь стал созерцать Рим из окна. Он вспомнил, что сенаторы как-то рассказывали ему о совершенно безумном проекте императора Калигулы по постройке воздушного моста от дворца Тиберия к Капитолию. Какие траты! При мысли о миллионах бездарно потраченных сестерциев как в далеком прошлом, так и при Коммодe у Пертинакса сжималось сердце.

Храмы, термы, театры, дороги, рынки – важные и необходимые постройки, на которые не то что не жалко, обязательно надо тратить деньги. Но, хвала богам, предыдущие императоры все в Риме уже построили до него – думал Пертинакс. Ему не надо будет вкладывать в строительство государственные средства. Зрелища в амфитеатре несут огромные траты – значит, следует их резко сократить, приурочив только к самым крупным праздникам. Почти весь холм Палатин уже застроен дворцами – еще одна бездонная статья трат отклонена. Однако наверняка есть много зданий, нуждающихся в ремонте, как Форум Мира, а ремонт подчас дороже строительства. Пертинакс поморщился. Надо поручить городскому префекту, а по совместительству императорскому тестю, подать ему весь перечень общественных зданий, нуждающихся в подновлении.

Пертинакс увидел Амиция, бежавшего мимо храма Кастора и Поллукса и оглядывавшегося на дворец – не смотрит ли за ним из окна император. Император смотрел, и потому смотритель дворца припустился сильнее, крепче сжимая в руках драгоценности. Четыре вооружен-

ных раба следовали за ним в качестве охраны. Амиций скрылся за углом храма, и дальнейший его путь до эрария был не виден, так как мешала крыша базилики Юлия. Вообще следовало бы проследить, точно ли он отнесет драгоценности в казну и в каком количестве. Но Пертинакс решил, что это слишком мелко – посылать за ним соглядатаев, достаточно будет потом узнать у хранителя казны. Амиция обуял страх, и он не посмеет утаить драгоценности. Слишком жив еще в памяти римлян Коммод, и пока его жестокий образ переносится также на нового императора, ведь никто еще не знает, чего ожидать от Пертинакса. Император предполагал, что браслеты и перстни такой художественной отделки и с камнями безупречной чистоты и редкости могут стоять как жалованье целого легиона, и потому считал, что их потери для Амиция будут достаточно. Крутых мер по конфискации имущества, как это практиковали такие деспоты, как Калигула, Нерон, Домициан, он не хотел. Народ должен видеть только благо в смене императорской власти.

Даже бывшие дружки Коммода – порочные и наглые сластолюбцы, кормившиеся за счет императора, обиравшие не только плебс, но даже сенаторов и всадников, имевшие огромные поместья по всей Италии и за ее пределами, были пощажены Пертинаксом. Конечно, только те, чьи жизни до этого случайно пощадил народный гнев. Всех выживших дружков Коммода император выгнал из Рима, конфисковав все их земли и виллы. Кое-что бывшие фавориты сохранили за собой, но это были такие крохи по сравнению с тем, чем они владели раньше, что не приходилось сомневаться – справедливость восторжествовала.

На Вектилианской вилле Коммода был устроен грандиозный аукцион, все деньги от которого пошли на пополнение казны. Сенаторы и всадники, жившие в Риме, и заблаговременно прослышавшие о нем богатые жители ближайших к столице итальянских городов заняли почти всю виллу. Народу было столько, что возникали драки за лоты, когда из-за скученности и галдежа не были слышны ставки и на одну из вещей претендовало сразу много желающих.

Коммод носил самые дорогие вещи и окружал себя самыми выдающимися художественными работами. Тоги, туники, мантии из шелка с золотым шитьем, пурпурные плащи с драгоценными камнями, конская сбруя с золотыми украшениями тончайшей работы восточных ювелиров, мечи и кинжалы, чьи рукоятки из слоновой кости и золота украшала резьба удивительного мастерства на темы мифов и истории – все это разбиралось быстро, с максимальными ставками. Люди жаждали иметь у себя вещи и одежды умершего императора, ведь все они являлись штучными и сделанными исключительно на заказ Коммодом. Презирая Коммода за выступления в роли гладиатора на арене амфитеатра, патриции с удовольствием покупали его гладиаторские доспехи и оружие, в основном имевшие ценность только как вещи убитого знаменитого сумасброда. Золотая, серебряная, янтарная, стеклянная посуда бесподобной красоты расходилась особенно хорошо, ведь продавалась целыми наборами и была очень древней – многими столовыми приборами пользовались цари еще времен Александра Великого и его диадохов. Драгоценные чаши в форме фаллосов, в большом количестве имевшиеся у Коммода, несмотря на соперничество с древними шедеврами, тоже расходились очень бойко.

Но главными лотами на этом императорском аукционе были колесницы и дорожные крытые повозки. Над их созданием трудились лучшие мастера со всего света: столяры, создававшие из драгоценных пород дерева прочные каркасы; художники, расписывающие их масштабными картинами; скульпторы, украшавшие их небольшими статуями, по большей части – копиями знаменитых греческих работ; ювелиры, удачно вкраплявшие в общую сюжетную канву той или иной повозки или колесницы самоцветы и золото; стекольщики, вставлявшие цветные стекла в окна повозок. По некоторым оценкам, одна такая повозка могла стоить дохода целой провинции. Приобретение их сразу указывало на исключительное богатство покупателя. Во времена правления Коммода многие сенаторы старались не показывать свою роскошь, чтобы не вызвать зависть императора, которая быстро привела бы их к гибели. Зато теперь сенаторы могли не опасаясь сорить деньгами и покупать главные лоты аукциона. Одну из колес-

ниц купил себе сенатор Дидий Юлиан. Пертинакс усмехнулся, вспомнив, как Юлиан уезжал с аукциона на купленной колеснице и, накинув также приобретенный пурпурный плащ, действительно имел настоящий императорский вид.

Пертинакс оставил себе совсем малую часть накопленных Коммодом богатств, за что подвергся критике от жены и тестя. Тесть, Клавдий Сульпициан, назначенный префектом Рима, также поучаствовал в торгах, и выигранные браслеты и перстни перешли к нему не совсем законно, ведь их он оплатил только своим словом, обязуясь в скором будущем внести за эти драгоценности деньги в казну. Впрочем, Пертинакс не торопил тестя с оплатой и готов был даже посмотреть сквозь пальцы на то, что срок оплаты отодвигался на неопределенное время.

Продали с торгов также всех наложниц и наложников Коммода, живших на Вектилианской вилле. Искусные по части доставления самых невообразимых наслаждений, эти воплощения сладострастия уходили по очень высокой цене. Случалось, что кто-нибудь отказывался выкупать уже проданный ему золотой кувшин или дорогое оружие, лишь бы заполучить прекрасного юношу или девушку, готовых на все, дабы услужить своему новому господину.

Сотни миллионов сестерциев в одночасье, за один этот небывалый раньше аукцион, наполнили императорскую казну.

Пертинакс еще некоторое время смотрел на Рим из окна, потом стал спускаться вниз. Раб с книгами шел за ним. Навстречу ему попался Сириск – раб, который уже двадцать лет жил у Пертинакса и пользовался его большим доверием.

Сириск поклонился императору, на лице его Пертинакс увидел беспокойство.

– Что случилось? – спросил император. – Зачем ты здесь?

– О, мой август! – отвечал Сириск. – Префект преторианцев Эмилий Лет ищет тебя повсюду. Он пришел во дворец и распоряжается, как будто сам император.

Пертинакс нахмурился. В постановке слов грамотный Сириск не ошибся. «Префект преторианцев ищет тебя повсюду». Ищет императора! Не спрашивает, не просит выслушать его, не пришел с докладом, а именно ищет! Какое имеет право преторианский префект так относиться к императору?! Пертинакс попытался успокоиться и молча пошел в свой дворец. Сириск и раб с книгами быстро шли за ним, многозначительно переглядываясь.

Император широкими решительными шагами вошел в тронный зал дворца Флавиев, но он оказался пуст. Эмилия Лета там не было. Из бокового помещения, рядом с тронным залом, где находилась караульня преторианцев, доносился шум. Пертинакс направился туда, рассуждая, что логично префекту преторианцев быть среди своих подчиненных. Но, открыв дверь, он увидел комнату, полностью заполненную преторианцами. Их было намного больше, чем обычно. Это Эмилий Лет пришел с такой внушительной силой. Преторианцы громко разговаривали, смеялись, пили вино. Один из них, самый пьяный, показывал свой детородный орган, имевший большие размеры, и призывал помериться с ним других преторианцев.

Когда неожиданно вошел император, все сразу умолкли, некоторые потупились и спрятали за спину сосуда с вином, а пьяного преторианца с большим органом быстро закрыли собой его товарищи.

Пертинакс молча смотрел на императорскую гвардию – цвет нации, и желваки, частично скрытые густой бородой, ходили ходуном. Он видел в глазах многих из них вызов. Лишь некоторые смутились тем, что император застал их в виде, не надлежащем к службе. Один из преторианцев за спинами других потихоньку допивал вино из чаши. Немая сцена продолжалась всего несколько секунд, пока наконец гвардейский трибун громко не поприветствовал Пертинакса, за ним хором последовали все остальные.

Император не удостоил приветствием свою гвардию и, еле сдерживая гнев, спросил:

– Каков сегодня пароль?

– Как и прежде: «Будем воинами!» – отвечал трибун.

– А вы кто? – глухо произнес, почти прорычал Пертинакс.

– Твоя гвардия, август! – уверенно произнес трибун, и в интонации его голоса Пертинаксу послышалась насмешка.

– Моя гвардия?! Да любой легионер поразит вас в бою один на один, да что легионер – *ауксиларий*! Если завтра война и я отправлюсь на границу, разве вы способны противостоять варварам? Вы пьяны, разгульны и думаете только о наслаждении и праздности. Здесь вам не *лупанар*, чтобы махать своими членами! Это что за поведение в присутствии императора?! – Пертинакс вышел из себя и перешел на крик, что случалось с ним чрезвычайно редко. – Коммод, который вам потворствовал, мертв, а я не позволю вам...

Пертинакс почувствовал, что задыхается от гнева. Еще в первый день своего правления, когда его только объявили императором и он пришел во дворец Флавиев, он обнаружил, что преторианцы, охраняющие дворец, пьяны, некоторые из них играли в кости и еле оторвали взгляд от игры, когда Пертинакс подошел к ним. Тогда новоиспеченный император посмотрел на это снисходительно, зная, что при Коммоде разнузданность и безделье преторианцев стали нормой. Коммод их не наказывал, а только осыпал подарками и сквозь пальцы смотрел на их подчас преступное поведение, что способствовало еще большему разложению в рядах гвардии. Пертинакс сразу дал понять, введя пароль «Будем воинами!», что прошлые времена прошли безвозвратно и дисциплина должна вернуться к преторианцам в самое ближайшее время. Но за две недели мало что изменилось.

Пертинакс побагровел, ему не хватало воздуха. Если бы сейчас он мог убить каждого из этих гвардейцев, то, скорее всего, так бы и поступил. Но выдержки и самообладания ему хватило, чтобы вести себя благоразумно.

– Прости нас, август! – отвечал за всех трибун, припав на одно колено и сделав знак своим людям склониться, как и он. – Мы готовы понести любое наказание.

– Да, вы все обязательно будете наказаны. Где Эмилий Лет?

– Префект во дворце, август!

Пертинаксу показалось, что прозвучало «префект в своем дворце августов», но он отогнал наваждение.

– Он должен ждать императора в тронном зале! – жестко сказал Пертинакс.

– Прости, император, мы не можем точно сказать, где префект. Эмилий Лет привел нас и велел ждать здесь, а сам пошел искать тебя.

«Искать тебя!» – неприятным эхом раздалось в голове императора.

– Как твое имя, трибун?

– Марк Квинтилиан.

– Принеси мне сегодня же список всех преторианцев, что сейчас здесь присутствуют, Марк Квинтилиан! Вы позорите славные традиции преторианской гвардии – лучших воинов империи!

Марк Квинтилиан склонил голову перед императором, прижав кулак к груди.

Пертинакс вернулся в тронный зал, и тут к нему подошел раб, сказав, что префект претория в базилике.

В базилике – помещении рядом с тронным залом, противоположном от караульни, собирались судьи под началом самого императора, чтобы вершить самый высокий суд. Уже много лет здесь никто не собирался с этой целью, так как Коммод вообще не интересовался судами, а его собственный суд был скорым и всегда однозначным.

Два ряда тонких изящных колонн с коринфскими капителями разделяли все пространство базилики на три нефа. В апсиде базилики стоял императорский трон. Пертинакс, вошедший в зал суда довольно шумно, сразу заметил, что префект претория стоит рядом с тронном, повернувшись к входу спиной. Пертинакс отпустил раба и, встав за одной из колонн, стал наблюдать за Эмилием Летом, сам стараясь успокоиться, ведь волнение перед высокопоставленным подчиненным претило ему.

Префект был в меховом плаще, надетом поверх туники, под которой угадывался мускульный доспех – лорика мускулата. Одну руку он держал на рукояти меча, другую положил на вырезанную из слоновой кости ручку императорского трона, украшенную головами львов. Он глубоко задумался, о чем говорили его неподвижная поза и взгляд, направленный куда-то в невидимое пространство за тронем. Смуглокожий пятидесятилетний уроженец Ливии, чьи черные вьющиеся волосы даже не тронула седина, был подтянут, широк в плечах, носил короткую бороду. В молодости перебитый на переносице нос несколько портил его приятное лицо с правильными чертами.

Пертинакс не стал дожидаться, когда Эмилий Лет догадается обернуться, а ведь наверняка слышал, что кто-то вошел в зал, поэтому император сам двинулся ему навстречу. Префект претория повернул голову, только когда императора отделяло от него всего несколько шагов.

– Император! – воскликнул Лет, угодливо улыбаясь и склоняя голову. – Рад видеть тебя в добром здравии!

– Что ты здесь делаешь? – сурово спросил его Пертинакс.

– Я хотел поговорить с тобой о наших делах.

Эмилий Лет красноречиво поглядел сначала на трон, а потом перевел взгляд на императора, как бы предлагая ему занять подобающее место для беседы. Но Пертинакс не хотел сейчас садиться на трон и оставил знак префекта без ответа.

– Я слушаю.

– И все же, август, я не зря ждал тебя именно в базилике. Ты еще не успел рассудить здесь ни одно дело. Поэтому я и пришел с первой, очень важной и неотложной, проблемой. Я всего лишь проситель и не могу говорить, когда император находится вровень со мной, а не на положенном ему троне.

Пертинакс немного подобрел и положил руку на плечо префекта претория.

– Обычно императоры судят здесь в присутствии сенаторов и судей. А ты просишь, чтобы я лично во всем разобрался?

– Да, август, ибо это дело не требует широкой огласки.

– Нет таких дел, префект, все должно быть открыто, людям важно знать, что их ни в чем не обманывают.

– Вот-вот, я об этом и хотел говорить! Вверенным мне людям важно знать, что их не обманывают.

– Не понимаю тебя, Лет!

– Преторианцы доверяют мне, но в последние дни я слышу их глухой ропот.

Пертинакс сразу вспомнил случай в караульне и помрачнел.

– Я тоже сейчас видел, что преторианцы плохо исполняют свои обязанности. Твой долг – навести порядок в когортах. И немедленно. Когда я был еще префектом Рима, ко мне стекались многочисленные жалобы от людей как простых, так и патрициев. И как ты думаешь, на кого были эти жалобы? Правильно, на преторианцев! Случаи их нападения на римлян вопиющие! В банях Тита преторианец насмеялся над всадником, а потом пнул его, и тот упал не в бассейн, а рядом, на мраморный пол, сломав себе ногу. Еще припоминаю коллективный иск от торговцев рынка Траяна. Преторианцы взяли много разной еды и не заплатили, а когда торговцы стали кричать, те их избили, да так, что один из торговцев потом скончался. Повторюсь, подобных жалоб было много.

– Так что ж мешало тебе дать ход этим жалобам, император?

– Как будто ты не понимаешь, Лет! – вспоминая свое бессилие, с отвращением ответил Пертинакс. – Заступничество Коммода мешало! Да и наше дело основывалось на помощи твоих преторианцев, я не мог бить по руке, которая меня готовилась поддержать. Но теперь я решительно говорю – хватит! Преторианцы издавна были гордостью империи, и я хочу, чтобы в мое правление они вновь стали этой гордостью! А сейчас что? Несколько дней назад ко мне в

письме обратился всадник, Публий Азиний, кажется. Так вот он сообщил, что его жену изнасиловал преторианец и все это произошло прямо здесь, в сердце Рима, ночью у храма Кастора. Преторианец затащил ее в лавку цирюльника, что в подиуме храма, предварительно взломав дверь лавки. Получатся, он совершил даже не одно, а целых три преступления. Пострадали честь жены Публия Азиния, лавка цирюльника, а ведь он платит за помещение аренду, и что не менее важно, а, может, и более – святость храма! И пусть все произошло не внутри храма, не у алтаря и статуй богов, но тем не менее! И даже не проси меня, Лет, о снисхождении, дело вопиющее, я лично буду следить за его ходом в суде. И вот еще! Преторианцы поддержали меня, но почему они возмущаются уничтожению бюстов и статуй Коммода? Народ справедливо стал их уничтожать, но до меня, опять же, дошли слухи, что многие преторианцы мешали этому, пытались защитить бюсты, унести их, избивали людей. Что это такое? Ты в курсе этих событий, Лет? Ты и твои люди вроде бы определились, с кем вы – со мной или с Коммодом. Но происходящее говорит об обратном.

– Коммода любили за его благосклонность к гвардии, – ответил Эмилий Лет. – Все помнят его щедрые подарки.

– Как бы то ни было – я приказываю навести порядок в гвардии. Используй любые наказания – от телесных до лишения жалования и даже казни.

– Казни и лишение денег? – удивился префект претория. – Такими методами можно добиться только бунта. Увы, император, навести порядок будет трудно, преторианцы не доверяют мне.

– Почему?

– Я обещал им по двенадцать тысяч сестерциев за то, что тебя поддержат, но они получили только по шесть.

– Но ведь эти деньги дал им я! – возразил Пертинакс.

– Конечно, ты, император! Но передал им префект претория. Значит, и спрос с меня. Я не удивлюсь, что они думают – я не отдаю им их положенные деньги потому, что я попросту их обокрал.

– Не придумывай, Лет!

Пертинакс понял, куда клонит префект претория, и чтобы его слова имели большую весомость, решительно сел на трон.

– Я пойду завтра в преторианский лагерь и поговорю с ними. Они успокоятся и ни в чем не будут тебя подозревать.

– Благодарю тебя, император! Но будет ли с тобой нужная сумма или ты ограничишься красноречием?

– Я скажу, что ты честный человек и я лично доверяю тебе. Но не могу же я сам говорить с преторианцами о деньгах за оказанную мне поддержку? Это недостойно, тем более тогда, когда я уже много раз уличил их в нарушении дисциплины. Ты скажешь им подождать еще месяц, может, два.

Эмилий Лет погрузился.

– Боюсь, август, обещаний недостаточно. Нужны деньги. Помнишь, когда третьего января преторианцы узнали, что ты не сразу выплатишь им обещанные двенадцать тысяч сестерциев на каждого, а только после аукциона имущества Коммода, они пошли к сенатору Триарию Матерну Лацивию и предложили ему стать императором?

– Это было предательство! – мрачно проговорил Пертинакс. – Первого января в казне находилась ничтожная сумма – всего один миллион сестерциев. Из каких денег я бы им сразу заплатил? Поступок той группы преторианцев – настоящее предательство, на которое я закрыл глаза. Бедный сенатор Ласцивий, он еле спасся от них! Зачем они так поступили? Думали, что Ласцивий даст им обещанные деньги? Неужели сложно было подождать несколько дней до аукциона?

– Клянусь, я не был в этом замешан. Но я смог убедить их, что деньги обязательно будут, и потому все быстро успокоилось и недоразумение с сенатором Ласцивием почти забылось.

– Кому забылось? Я помню, словно это было только сейчас! Почтенный сенатор, весь в сединах, умнейший, всеми любимый и уважаемый человек, прибежал замерзший, в одной тунике, у него зуб на зуб не попадал от волнения и холода, он аж заикаться начал, говорил, что боялся, если не примет предложения преторианцев стать императором, то они его убьют. Но он не изменил, потому что клялся мне в верности. Боги спасли его.

– Боги? – усмехнулся Эмилий Лет. – Клянусь честью, это я сделал так, что он смог уйти живым и невредимым, а ты до сих пор на троне, август. Когда преторианцы почти вытащили сенатора из его дома, чтобы отвести в преторианский лагерь и там провозгласить императором, я вовремя подоспел ему на помощь и отвлек своих людей. Наверное, сенатору показалось, что мое появление указывает на то, что я заодно с заговорщиками и он лишь по счастливой случайности сбежал, но это не так.

– Правда? – удивился Пертинакс.

– Я поклялся честью, а что может быть важнее?! Да, это нескромно, но как еще мне доказать, что я верен тебе, август? Жду только одного – чтобы я мог доказать честность своих обещаний гвардии. Прошу, заплати не мешкая еще по шесть тысяч каждому преторианцу, и все закончится.

– Ты смеешь вымогать у императора деньги? – Голос Пертинакса задрожал от гнева.

– Нет, боги – свидетели, я и не мог помыслить! Но преторианцев тяжело держать в узде. Они разгневаны и плохо управляемы. Кто знает, если я потеряю у них авторитет, то в следующий раз не смогу помочь очередному сенатору, которого преторианцам вздумается наградить троном, и либо умрет он, отказавшись, либо...

– Замолчи, префект претория! Твои слова – это измена. Думаешь, что, кроме преторианцев, императору не на кого опереться? В Риме корпус *сингуляриев*, не забывай о нем! И хоть германских телохранителей много меньше, чем твоих преторианцев, зато они смелы, свирепы и преданы! А еще три городские когорты, подчиняющиеся не тебе, а моему тестю Сульпициану! Если ты не справляешься со своими обязанностями, Лет, то, может, тебе найти замену? Коммод делал это регулярно. Наверно, это единственное, в чем он был прав.

Лицо Эмилия Лета стало каменным.

– Ты император и твоя воля нерушима. Но, несмотря на непокорность, преторианцы все еще любят меня и не позволят убить или изгнать с должности.

– Ты угрожаешь мне? – воскликнул Пертинакс.

– Я просто хотел напомнить историю. Ведь ты, август, прочитал много книг. Рабы сказали, что, пока я ждал тебя, ты был во дворце Тиберия. Не там ли преторианцы провозгласили императором Клавдия?..

– Договаривай, Лет, давай! *Провозгласили Клавдия императором, убив перед этим Гая Калигулу! Вспомни еще Гальбу, ну!* Наглец! Коммод был бы прав, казнив тебя!

– Возможно, но тогда ты не стал бы императором, Публий Гельвий Пертинакс! И, скорее всего, тебя убили бы так же, как и меня. Я и мои преторианцы возвели тебя на трон! А ты выдал им только жалкие шесть тысяч!

– Шесть тысяч сестерциев на каждого преторианца – это жалкие деньги?! – вышел из себя Пертинакс, и голос его сорвался на крик. Но он тут же взял себя в руки, понимая, что эхо – плохой друг и его могут услышать, а столь щекотливый разговор не стоит разглашать. – Да каждый преторианец получает в год двадцать тысяч сестерциев против двенадцати тысяч у обычного legionera, хотя legionеры проливают кровь за империю!

– И преторианцы отдадут с радостью свои жизни за Рим и тебя, император! Но им больно, что ты забыл их в своей милости.

– Я ничего не забыл, Лет! Но сейчас денег нет.

– Странно, но ты столько конфисковал у бывших любимцев и прихлебателей Коммода и получил огромные суммы с аукциона! Куда же все это ушло?

– В казну, префект! Коммод ее опустошил, а я наполняю.

– Но ведь ты выплатил по четыреста сестерциев на каждого жителя Рима. Зачем такие траты? Чтобы завоевать популярность народа? Потраченных на плебс денег хватило бы покрыть оставшуюся задолженность перед гвардией. Гвардия, а не народ привели тебя к власти.

– Не смей лезть в императорские расходы, Лет! Народ при Коммодe обнищал, тем более сейчас, зимой, у многих нет и крыши над головой и куска хлеба. На эти деньги бедняки смогут выжить, а те, у кого хоть что-то есть, открыть свою лавку, заплатить долги, покрыть задолженность по налогам. Большая часть этих выплат так или иначе вернется в казну. Скоро я все выплачу преторианцам, как и обещал.

– По всей видимости, эти времена уже настали, ведь собираешься же ты увеличить вес денария, а сколько для этого необходимо серебра!

Пертинакс сразу понял, что проболтался кто-то из консулов, кроме них о своем проекте он еще не говорил никому. Наверняка либо Вибян, либо Фалькон в близкой дружбе с Эмилием Летом. Но как быстро префект претория узнал! Значит, кто-то из консулов сразу сообщил ему, и именно поэтому Лет примчался во дворец выпрашивать денег.

– Разве ты не понимаешь, – постарался все разъяснить император, – как важно поддерживать денарий на нормальном весе? Сейчас денарий – тонкая пластинка серебра. До меня много раз доходили слухи о ропоте торговцев – они не хотят принимать такие денарии, боясь убытков. Империя легко скатится в жесточайший кризис, если деньги обесценятся. А денарий, урезанный Коммодом из-за растраты казны, уже обесценен. Пока только страх перед безумным императором или чудесное благоволение богов держало наши финансы на краю, но сейчас они легко могут свалиться в пропасть. Цены на все товары станут недоступными сначала для обычных граждан, а потом и для богачей. Голод, восстания и бунты не заставят себя ждать. На Востоке, где чеканят собственные драхмы, уже давно возмущены насильно вводимым нашей администрацией курсом обмена денариев на драхмы.

– Армия не допустит беспорядков! – возразил Эмилий Лет, понимавший, что император сильно сгущает краски.

– А что, если армия сама и станет их центром, ты не подумал, префект? Ты говоришь, что тебе тяжело сдерживать преторианцев, а легко ли будет Септимию Северу или Песценнию Нигеру или другим сдерживать легионы, если они взбунтуются? Крепкий денарий – здоровая экономика. Завтра я выступлю с этим предложением в сенате. Через месяц или два новые налоги, поступившие в казну, позволят мне отплатить преторианцам за их преданность и терпение. Я и тебя не обижу, префект. Ведь не откажешься ты от виллы в Байях?

– Щедрость августа безгранична! – притворно улыбнулся Эмилий Лет и поклонился, чтобы скрыть досаду на лице.

Скупость Пертинакса была ему известна. Он не сорил деньгами, когда был консулом или легатом в провинциях, а став императором, не изменил своих привычек. Если бы не страх быть убитым Коммодом, Эмилий Лет ни за что бы не поставил на Пертинакса. Но Пертинакс являлся единственным в окружении Коммода, которого бы приняли и сенат, и армия, и народ. Конечно, в казне уже есть деньги и на реформу денария, и на многочисленные государственные нужды и на выплату преторианцам. Сколько налогов поступает в Рим со всей необъятной империи! Но Пертинакс просто не хочет их тратить.

Что ж, на этот раз префект претория уйдет к своим подчиненным только с голыми обещаниями. И совершенно точно не будет никого увещевать, просто передаст слова императора подождать два месяца. И пусть будет то, что будет. Согласятся преторианцы ждать – хорошо,

нет – тоже неплохо. Пусть Пертинакс знает, что трон под ним держится только верностью гвардии.

Оставшись один, император в сильном раздражении стал ходить между колонн базилики. Не только поведение Эмилия Лета возмущало его, но и собственная беспомощность. Человек умный, честный, рассудительный, Пертинакс с трудом переносил тупость, корысть и хамство вокруг себя. И если страх перед Коммодом заставлял его поступиться своими принципами, молча совсем соглашаться, то сейчас, когда он стал императором, сносить все это от человека, стоящего далеко внизу, по сравнению с ним, Пертинакс не хотел. Он специально вспоминал, как жестко обошелся с восставшими легионерами, будучи наместником в Британии, чтобы придать себе твердость духа и наказать Эмилия Лета. Но ничего не выходило. Разум вновь возобладал над чувствами. Одно дело – действовать как наместник провинции, и совсем другое – как император, не чудовище, как Коммод, а мудрый отец отечества, как Марк Аврелий. Закончилась эпоха казней, должно наступить время справедливости и благоденствия. Необходимо не наказывать префекта претория, которому он, Пертинакс, действительно всем обязан, а раз за разом постараться убеждать в своей правоте, и пусть сейчас Эмилий Лет возмущен задержкой выплат, но разве доброе отношение к нему, несмотря на его дерзость, не окажет воздействия?

И вроде бы Пертинакс немного успокоился. Поразмыслив над поведением префекта, разгуливавшего во дворце, словно у себя дома, решил, что, видимо, он сам виноват, раз дал возможность охраняющим его преторианцам, пускать префекта претория без доклада. Действительно, необходимо ужесточить дисциплину среди охраны и рабов.

Почувствовав голод, император собрался уйти в триклиний дворца, но вошедший раб доложил, что Марция Аврелия Цейония Деметрия просит августа ее принять. Пертинакс немного растерялся. Бывшая любовница Коммоды, главная участница заговора против безумного императора, появилась сейчас совсем некстати. В отличие от Эмилия Лета ей не нужны были деньги от Пертинакса. Она хотела другого. И если выплаты преторианцам рано или поздно все равно произойдут, то желание Марции невозможно исполнить. И тем не менее Пертинакс не мог ее отослать. Если Эмилию Лету он был обязан поддержкой преторианцев, то Марции – самой возможностью занять трон да и просто жить. Именно Марция дала отраву своему любовнику.

Пертинакс устало сел на трон в нише базилики и стал ждать гостью.

Марция вошла решительным шагом, развязывая тесемки плаща с мехом и скидывая назад капюшон.

– Мой император! – воскликнула она, и ее нежный голос болью отозвался в сердце Пертинакса.

Марция подошла к трону и низко поклонилась. Под наполовину снятым плащом Пертинакс увидел полные груди девушки, туго выпирающие из-под нескольких надетых друг на друга туник.

– Рад тебя видеть, Марция! – отозвался Пертинакс, но лицо его по-прежнему выражало усталость.

– Я очень замерзла, сегодня так холодно! – произнесла девушка, с надеждой глядя на императора своими большими голубыми глазами.

– Не стоило выходить из дома, Марция. Ради чего ты решила морозить свои красивые ножки?

– Чтобы увидеть тебя, август!

– Мы виделись четыре дня назад, и если ты пришла напомнить мне о прошлом разговоре, то не стоило.

– Но мы его не закончили! – возразила Марция, поеживаясь.

Пертинакс сошел с трона и укутал Марцию в ее плащ. Он подхватил ее на руки и усадил на трон.

– Здесь ветер не дует по ногам, – сказал он. – Подогни их под себя – и сразу согреешься. Марция очаровательно улыбнулась.

– Я думала, ты позовешь меня в триклиний или перистиль, август. Во внутренних покоях дворца всегда жарко натоплено. Но мне и здесь хорошо! Я прямо как императрица.

Пертинакс улыбнулся в ответ, но улыбка получилась вымученной.

– Это все, что я могу для тебя сделать, Марция, – промолвил Пертинакс, стараясь не глядеть в манящее сладострастием лицо девушки, опять нарочно распахнувшей плащ, чтобы император видел ее томно колышущиеся при дыхании груди.

– Ты странный, Публий... – произнесла она, глядя рукой бороду императора.

– Я твой август, Марция, Публием называет меня моя жена. Тебе следует быть почтительней.

Марция резко отдернула руку, словно укололась.

– Возвращайся на Вектилианскую виллу, если ты мне понадобишься, я обязательно дам тебе знать.

– А я не хочу туда возвращаться! – воскликнула Марция. – Мне все время кажется, что я вижу там Коммода, и не его труп, а живого, ухмыляющегося, задумавшего меня убить!

– Это твоя фантазия. Ты еще под впечатлением последних декабрьских дней. Но ведь его уже нет. Ничто и никто не угрожает тебе. Если хочешь, я дам тебе дополнительную охрану. Пусть преторианцы всюду следуют за тобой.

– Нет уж, спасибо, август. Такое сопровождение еще сильнее будет напоминать мне о Коммоде.

– Тогда я просто не знаю, чем тебе помочь.

– Твой управляющий дворцом Эклект вчера сделал мне предложение выйти за него замуж.

Стрела была пущена ловко – неожиданно, с близкого расстояния и точно поразила бы цель, если бы император не надел непробиваемый панцирь невозмутимости.

– Эклект не теряет времени даром. Ты согласилась? Его можно поздравить?

– Я обещала подумать! – с надеждой глядя на Пертинакса, произнесла Марция, и голос ее задрожал.

– Зачем думать? Соглашайся. Я устал от притворств, Марция. Пока на этом троне сидел Коммод я только и делал, что врал и изворачивался. Но теперь я могу жить так, как следует. Я стар. Мне шестьдесят шесть лет. Я многое видел и разбираюсь в жизни. Не надо изображать влюбленность, Марция. Возможно, будь я другим человеком, я пошел бы тебе навстречу, но я таков, какой есть. Старика можно любить только за его богатство или власть, и никак иначе. Я знаю тебя, знаю, что тебе надо, и меня не обманешь. Мы сделали друг для друга все, что могли. Ты избавилась от Коммода, и его смерть дала возможность всем нам жить дальше. Я, ты, Эклект, Эмилий Лет связаны навсегда, но только смертью Коммода, более ничем. Надеюсь, мы не вернемся к подобным разговорам. Если ты хочешь жить здесь, во дворце, а я вижу, ты именно этого хочешь, потому что к другому и не привыкла, тогда принимай предложение Эклекта. Возможно, постель дворцового управляющего не такая притягательная, как императорская, зато ты в ней будешь спать живой и невредимой. Ведь именно это самая простая причина – остаться в живых, и подвигла нас на переворот, а уже потом интересы римского народа.

Марция опустила ноги с трона и задержалась немного на нем, как бы стараясь запомнить этот момент. Больше не глядя на императора, она закуталась в плащ и лишь прошептала: «Прощай, август!», медленно, с достоинством сошла с трона и прошествовала к выходу, не как человек, потерпевший поражение, а словно победитель, гордо подняв голову, устремляя взгляд через строй колонн базилики в будущее.

Оставшись один, Пертинакс подумал, что в этой базилике, предназначенной для императорского суда, сегодня он принял очень важные, судьбоносные решения – не поддаваться влиянию и угрозам префекта претория и не заводить любовницу. И пусть эти решения оказались не прилюдными, и возможно, никто их никогда не узнает и не оценит, но от этого они только возрастут в значимости. Марция уже несколько месяцев будоражила Пертинакса. С того самого времени, когда созрел заговор и они стали встречаться не в обществе, а тайно, вдвоем или с Эмилием Летом. Пертинакс вновь почувствовал себя мужчиной, желавшим и знающим, как добиться женщины, словно ветер молодости ворвался в его сердце и мысли. И, возможно, именно эта невысказанная страсть подтолкнула его укрепиться в замысле устранить Коммода, рискнуть всем. Но к страсти примешивалось и низменное желание, обладая Марцией, отомстить ненавистному императору за годы несправедливости, унижений и лизоблюдства.

Однако была и другая женщина, память о которой толкнула Пертинакса к действию. В совсем недалеком прошлом у него была любовница – Анния Корнифиция – дочь Марка Аврелия и сестра Коммода. Они познакомились вскоре после расправы Коммода над ее мужем – Марком Петронием Сурой Мамертином и их маленьким сыном. Заподозренный в заговоре Сура Мамертин был убит не только вместе с сыном, но и с братом и другими членами семьи. Свою сестру Коммод не тронул. Анния, как и жена Пертинакса Флавия Тициана, была более чем вдвое младше него, но при этом очень красива и несчастна из-за потери близких. Пертинакс принялся ее утешать и сразу почувствовал, что не сможет дальше спокойно жить, если не станет обладать ею. Много лет назад он видел дочь Марка Аврелия совсем маленькой девочкой и не мог представить себе, что в будущем она вырастет такой красавицей. Пертинакс не знал, что заставило Аннию Корнифицию без колебаний разделить с ним ложе, и не один раз, но предполагал, что это из-за внутреннего надлома. Так она пыталась забыться после зверств ее брата. Анния, столь искусная в любви, заставляла Пертинакса напрягаться в постели так много и долго, что у него шла носом кровь. Вскоре их тайные свидания стали пищей для пересудов всего Рима. Узнав об их связи, Коммод как-то на одной из оргий, на которую пригласил Пертинакса, посоветовал ему побыстрее развестись с Флавией Тицианой и жениться на его сестре. На вопрос Пертинакса, почему император так озабочен его жизнью, Коммод, смеясь, ответил, что его друг Пертинакс и его сестра Анния могут дать трону наследника, которого он усыновит и сделает *цезарем*. Такая шутка Коммода говорила об очень многом. Пертинакс понял: Коммод думает, что с помощью своей связи с Аннией Пертинакс хочет заполучить место его преемника. А такие мысли в голове безумного императора очень легко могли привести к обвинению в измене, в заговоре и потому к неминуемой гибели, как несчастного Марка Петрония Суру Мамертина. И как бы ни жалко было расставаться с Аннией, но пришлось. Причем ему было это намного тяжелее, ведь он, старик, думал, что влюбился. Анния же очень быстро забыла своего любовника и нашла себе другого.

Но сейчас, заняв трон империи, Пертинакс возвысился не только над всем римским народом, но и над собой. Думы и заботы о судьбе государства, так соответствующие умудренному в жизни человеку преклонных лет, возобладали над сиюминутными порывами. И он был этому рад. Ноша, которую взвалил на себя сын вольноотпущенника, торговца шерстью, оказалась довольно тяжелой. Разоренная Коммодом казна, пошатнувшийся авторитет императорской власти и огромное количество проблем из многочисленных провинций, которыми годами никто не занимался, одновременно свалились на него. Стопки различных докладов о недоимках налогов, о храмах, разрушенных пожарами, землетрясениями, обветшавших от времени и потому требующих денег для починки, жалоб на проворовавшихся магистратов, доносах об оскорблении императора и многие другие по разным причинам нерешенные наместниками вопросы пылились и занимали уже несколько стеллажей.

Пертинакс не жаждал, чтобы после смерти его объявили богом, как это было с другими императорами, но хотел прежде, чем уйти к богам, сделать так, чтобы оставить после себя

процветающую империю и доброе имя. А когда есть такая труднодостижимая цель и старость не позволяет оставлять что-то на потом, тратить время и силы на любовниц неразумно.

Довольный принятыми решениями, Пертинакс отправился во дворец Августов – ту часть огромного дворцового комплекса на Палатине, где традиционно жили императоры. Ему захотелось посмотреть, как сын упражняется в греческом языке и математике, после чего позвать писцов и заняться разбором дел.

В комнате, смежной с его собственной и выходящей окнами на Большой Цирк, сын императора – Пертинакс-младший корпел над пергаментом, решая задачу. Император осторожно вошел в комнату, чтобы не помешать занятиям, но учитель – грек Деметрий – поднялся со скамьи и стал гнуть старую спину в глубоком поклоне, а 12-летний ученик сразу оставил пергамент и побежал навстречу отцу, радуясь возможности прервать надоевший урок.

– Что сегодня изучаете? – мягко осведомился император.

– Евклидову геометрию! – со вздохом ответил Пертинакс-младший, почесывая затылок.

– Юный господин преувеличивает! – отозвался Деметрий, разгибаясь. – Только лишь теорему Пифагора – начало начал!

– Не стоит каждый раз склоняться передо мной, Деметрий! – сказал ему император. – В прошлый раз у тебя так сильно закружилась голова, что ты чуть было не упал. А твою голову я очень ценю.

– Благодарю, император!

– Ты следи за здоровьем, Деметрий! Ты ведь один из немногих оставшихся *орфики*. Кстати, приходи сегодня на ужин ко мне, поговорим о твоей философии. Как успехи, сынок, удается постичь математику или грамматика тебе больше нравится?

Пертинакс-младший смутился. Как и любой мальчишка, он желал подвижных игр со сверстниками, а не скучных часов в компании старика-философа. Очень привязанный к отцу, хотя в связи с постоянной занятостью Пертинакса-старшего он проводил с ним мало времени, сын старался во всем походить на родителя – копировал его манеру речи, жесты и, конечно же, всегда хотел его одобрения.

– Я стараюсь, папа! – гордо ответил мальчик.

– Молодец! – Император улыбнулся и погладил сына по голове. Сегодняшний долгий и неприятный разговор с Эмилием Летом и поведение преторианцев держали его мысли, словно черберы, и потому, глядя на сына, Пертинакс сказал: – А теперь послушай. Я считаю, что тебе не нужно жить во дворце. Завтра тебе следует отправиться на виллу к своему деду.

– Но почему, папа?! – удивился неприятному сообщению мальчик.

– Дворец не то место, где можно воспитать умного, честного и порядочного человека, верного Риму и своему роду. Ты будешь жить у деда со своей сестрой. Мы с твоей мамой будем тебя навещать. Твой дед Клавдий Сульпициан присмотрит за тобой, а Деметрий не даст скучать без уроков.

– Но ведь дед – префект Рима, он тоже вечно занят! – возразил мальчик, надеясь, что еще сможет остаться рядом с отцом.

– Да, ты прав, он весь в государственных делах, как и я. Но его дом более тих, спокоен и безопасен, чем этот огромный дворец.

– Ты чего-то опасаясь, папа?

– Я опасуюсь только одного, сын мой, чтобы роскошь и власть не развратили тебя, не сбили с пути справедливости. Ведь я надеюсь, ты, возмужав, станешь цезарем, предводителем молодежи, будешь всем примером.

Рядом появился раб Сириск и сообщил, что преторианский трибун Марк Квинтилиан пришел с докладом. Пертинакс закрыл дверь в комнату сына и, приняв суровый вид, велел Сириску привести трибуна.

Рослый, широкоплечий Марк Квинтиллиан вошел в коридор спокойной, твердой поступью уверенного в себе человека, держа шлем в левой подмышке, а правую руку держа прямо, по шву. Узкое лицо, высокий открытый лоб, нос с легкой горбинкой, черные волосы – настоящий италик.

– Приветствую тебя, император! – произнес трибун и приложил к сердцу кулак.

– Слушаю тебя, трибун.

– Как ты и приказал, август, среди преторианцев наведен порядок. Вот список с именами всех, кто сегодня был в караульне.

Пертинакс взял протянутую ему навощенную табличку и бегло пробежал ее глазами.

– Завтра же все эти люди будут вычеркнуты из списков моей гвардии! – процедил он.

Огонь полыхнул в глазах Марка Квинтиллиана.

– Прошу тебя, август, во имя всех богов, не делай этого! Исключение из гвардии станет черным пятном на роду каждого преторианца. Мои подчиненные раскаялись. Если хочешь наказать, то лучше меня, так как именно на мне как на их командире лежит вина в их неподобающем поведении. Я допустил это, мне и отвечать!

Пертинакс с уважением посмотрел на честного трибуна и ответил:

– Эти слова мне по сердцу, трибун. Так поступали римляне в нашем далеком и славном прошлом, жертвуя собой ради других. Хорошо. Ты один ответишь за всех своих воинов. Но именно потому, что ты закрываешь собой друзей, я не стану наказывать тебя строго. Завтра ты навсегда оставишь дворец и будешь нести службу, не покидая каструм, но не трибуном, а простым преторианцем. Я уведомя префекта претория о своем решении.

Ни один мускул не дрогнул на лице трибуна. Оно осталось бесстрастным. Марк Квинтиллиан молча приложил кулак к сердцу и ушел.

Трибун не спешил в караульню. С загадочной улыбкой на губах он медленно брел по коридорам и залам огромного дворцового комплекса, созерцая его красоту и шикарное убранство. Трибун понимал, что времена действительно изменились. На смену полной безнаказанности и свободе преторианцев при Коммоде пришло время строгости и дисциплины. Марк Квинтиллиан признавал только силу, и потому требовательность старика Пертинакса ему даже нравилась, он уважал его за это. Однако Коммод отличался исключительной жестокостью, поэтому его боялись, а Пертинакс хочет взять справедливостью и рассудительностью, но после многих лет страха такой подход к политике и жизни воспринимается как слабость. Это понимал Марк Квинтиллиан и знал, что именно так думают и все преторианцы, а возможно, и большинство римлян. Эмилий Лет уже успел рассказать о нежелании Пертинакса немедленно выплачивать обещанную преторианцам сумму. Значит, ближайшее будущее должно показать – либо Пертинакс поддастся на угрозы Эмилия Лета и станет возможно дальше требовать от императора все новых и новых денежных выплат и подарков, или он заартачится, и тогда его необходимо сменить. Убийство Коммоды показало, что, как и сотню лет назад, императоров можно и нужно менять именно так. Вряд ли кто-то вступится за старика. Марк Квинтиллиан по-настоящему ждал наказания от императора, но именно для того, чтобы его преторианцы и преторианцы других когорт возмутились этим наказанием и выказали свое недовольство императору. Весьма вероятно, эти события повлияли бы на выплату обещанных Пертинаксом денег или же поскорее решили участь августа. Трибун не беспокоился о себе. Приказ императора был для него пустым звуком. Возможно, на время придется стать простым преторианцем, но префект претория не забудет о нем, Эмилий Лет обязательно выхлопочет ему помилование, да и его товарищи по оружию обязательно поспособствуют восстановлению его в должности трибуна. Марк Квинтиллиан знал: преторианцы – это братство, где каждый стоит друг за друга. Что же касается отлучения от дворца, то как раз на Палатин он собрался возвратиться в самое ближайшее время. Ведь Марция, эта прекрасная амазонка, бывшая любовница Коммоды, собра-

лась замуж за смотрителя дворца Эклекта и уже заранее пригласила к себе в *кубикул* Марка Квинтилиана.

Глава четвертая

За городской стеной северо-восточной части Рима, между холмами Виминал и Эсквилин стоял преторианский лагерь. Эмилий Лет примчался сюда в мрачном настроении после разговора с императором. Он предполагал, что старшие офицеры всех десяти когорт преторианцев будут его ждать с добрыми вестями об оставшейся выплате, обещанной Пертинаксом. При въезде в ворота лагеря Лету показалось, что даже стражники смотрят на него с вопросом.

Он не решился идти сразу в *преторий*, а, оставив коня сопровождавшим его преторианцам, взял из рук подбежавшего раба чашу с вином и пошел к алтарю Фортуны. Выпив вина, он пролил немного на алтарь и попросил богиню удачи, всегда помогавшую ему, содействовать и впредь.

Затем Эмилий Лет посетил храм Марса. Перед бронзовой статуей бога войны в доспехах, державшего круглый щит и протянувшего вперед правую руку с копьём, Лет провел часть ночи, когда убили Коммода. Префект претория горячо молился за успех дела, и Марс помог Марции и атлету Нарциссу избавиться от безумного императора. Сейчас Лет просил бога войны, чтобы он научил его, как действовать против Пертинакса и как сдерживать горячий нрав преторианцев, которые вскоре очень разозлятся. Пока его авторитет среди подчиненных был высок. Ему удалось продержаться на должности префекта претория целых два года, что для времени правления Коммода являлось большим успехом, ведь лишь немногие префекты достигали этого. Обычно Коммод их быстро убивал, подозревая в злоумышлении против себя. Кроме того, Эмилий Лет не настроил против себя римский народ, как это было при *Клеандре*, который так втерся в доверие к Коммоду, что имел наглость назначать самолично консулов, вводил за огромные взятки в члены сената вольноотпущенников и продавал государственные должности. Лет умело лавировал и для всех являлся удобным и проверенным человеком. Его уважали в сенате. Но среди преторианцев находились завистники. Они, потомки родовитых римских семей, не хотели терпеть над собой командира-ливийца.

Эмилий Лет вошел в преторий, готовый к тяжелому разговору с подчиненными, однако в помещении никого не оказалось. Подбежавший раб спросил, чего он хочет, но префект отослал его. Эмилий Лет хотел снять доспех, но, подумав, не стал этого делать – неизвестно, чего можно ждать сегодня. Он сел в высокое кресло за стол, просмотрел пергаменты, на которых были написаны приказы, и задумался.

Пертинакс не будет его слушать и, скорее всего, не выплатит обещанные деньги. Если сейчас Эмилий Лет не станет действовать решительно, император может легко сменить префекта претория, и тогда его блестящей карьере конец. Два с половиной века назад триумvir Марк Эмилий Лепид даровал гражданство его далекому предку, за что тот взял себе римское имя Эмилий. С тех давних пор в его роду не происходили сколько-нибудь значимые события, пока он, Лет, не стал префектом претория. Если Пертинакса, сына вольноотпущенника, сенат чествовал как нового августа с радостью, то почему отцы-сенаторы не окажут такие почести ему, если он все провернет так, чтобы казаться спасителем Рима? И все же мысли о троне приводили Эмилия Лета в глубочайший священный трепет. Он не мог представить себя на троне римских цезарей. Пертинакс был умным, опытным в управлении, грамотным политиком, полководцем, а он, Лет, ни тем, ни другим. И хотя пример Коммода показывал, что можно править самой могущественной империей в мире, будучи бездарностью и ничтожеством, но именно эти качества в итоге и сыграли с Коммодом злую шутку. Коммод правил как преемник своего знаменитого и всеми любимого отца – Марка Аврелия, память о котором долгое время спасала империю от кровавого переворота. Кто спасет Эмилия Лета, если он вдруг захватит власть и его правление пойдет неудачно? Нет, лучше быть за спиной новоявленного августа и управлять

всем его руками, чтобы в случае чего остаться чистым. Печальный пример Клеандра, которого казнил сам Коммод, показывал, что не надо зарываться.

Эмилий Лет принял решение в скором времени убрать с дороги Пертинакса. Но сначала его надо опорочить. Заявить прямо, что Коммода убили в интересах Пертинакса, он не мог, не подставив себя, ведь именно Лет обещал преторианцам по 12 тысяч сестерциев каждому, если они поддержат префекта Рима и провозгласят его императором. Тогда следует пустить слух об убийстве Коммода его ближайшим окружением – Марцией и управляющим Вектилианской виллой Эклектором. Этих людей Пертинакс привечает, пусть именно они бросят тень на него самого. Конечно, большинство римлян рады смерти Коммода, однако если им внушить мысль, что бывшего императора убили люди из окружения нового правителя, то это может подорвать непогрешимую репутацию Пертинакса. Людская молва легко перенесет вину за смерть Коммода с Эклекта и Марции на Пертинакса и обязательно припомнит ему, если он не будет делать для народа все, что этот народ пожелает. А так и произойдет. Зная бережливость августа, Эмилий Лет предугадывал резкое сокращение трат на зрелища – как на гладиаторские бои, так и на гонки колесниц. Налоги, значительно поднятые Коммодом, тоже вряд ли снизятся в ближайшее время, ведь перед августом стоит задача пополнения казны. Эти непопулярные действия наверняка приведут к возмущению народных масс. Эмилий Лет будет наготове.

Инцидент с сенатором Ласцивием показал, что преторианцы не станут церемониться и, только подай им сигнал, они пойдут против Пертинакса, во всяком случае, большинство из них. Реакция самого августа на попытку провозглашения Ласцивия императором показала Эмилию Лету, что старик собирается править мягко, а значит, он слаб. Легионы не спасут Пертинакса, ведь они слишком далеко.

Префект претория потер запыхавшийся бюст Траяна у себя на столе, размышляя, кого выдвинуть в кандидаты на нового императора. Консул Фалькон подходил на эту роль лучше всего – довольно молод, занимает самую высокую должность, имеет много сторонников в сенате, а главное – недолюбливает Пертинакса и относится с уважением к Эмилию Лету. С ним нужно осторожно поговорить об этом в ближайшее время.

Префект крикнул раба и велел ему накрыть ужин, затем позвал караульного и дал ему приказ привести преторианца второй когорты Валерия Ульпиана.

Уплетая мясо и салат, Эмилий Лет услышал приветствие от вошедшего молодого воина. Префект не предложил ему ни сесть, ни отобедать вместе с ним, а сразу же разразился бранью.

– Ульпиан, ублюдок, ты чего наворотил у храма Кастора? Не можешь контролировать свой член?

– Прости, префект, я не понимаю... – попытался оправдаться преторианец.

– Заткнись! Не понимает он! Император уже знает о твоём невождении, а он не понимает!

Валерий Ульпиан потупил глаза, но в них играл лукавый огонек.

– Ты изнасиловал жену всадника Публия Азиния. Спрашивается – ты совсем полоумный?

– Она сама меня завлекла, – процедил Ульпиан.

– Завлекла, не завлекла – это к делу не относится. Всадник Публий Азиний подает жалобу в суд. Наверняка раз сам Пертинакс будет следить за этим делом, суд пройдет по всей строгости. Поверенные судьи придут сюда, в лагерь, вместе с женой Азиния, и она укажет на тебя.

– Нас здесь десять тысяч, как она меня узнает, даже если и запомнила? – нагло произнес преторианец. – Многие в караулах, на других заданиях и постах. Это нереально, префект. К тому же я имя ей свое не говорил, было темно. Вообще никаких зацепок у суда не будет.

– Все это, конечно, так, – отвечал, жуя мясо, Эмилий Лет, не забывая прихватывать листья салата. – И ты на самом деле мог бы спать спокойно, пользуясь тем, что я тебе благоволю, ведь именно моя протекция привела тебя, простого римлянина, в ряды преторианцев.

– Благодаря моей матери, префект, будем уж до конца честны! – развязно сказал Валерий Ульпиан. – Она тебя давно привечает. Скажи честно, уж не твой ли я сын?

– Хвала Юпитеру, нет! – буркнул Эмилий Лет. – Твоя мать, Ульпиана, хорошая женщина, но ты просто кусок дерьма. Да, если бы не ее горячая просьба...

– «Горячая» что, прости?

– Что?

– Ну, ты сказал про что-то горячее у моей матери...

– Слушай, щенок, я тебя могу здесь немедленно прирезать.

– А как же тогда моя мамаша? Она тебя перестанет поощрять.

Эмилий Лет встал из-за стола, подошел к Валерию Ульпиану и резким ударом в живот отправил его на пол. Префект бил подчиненного долго, пока не устал, и, почувствовав жажду, вернулся к столу выпить вина.

Молодой преторианец стонал, пытаясь подняться, растирая кровь по расквашенному лицу.

– Раз уж ты такое дерьмо, щенок, то давай хоть сослужи мне в одном важном деле.

– Каком деле? – еле выдавил Ульпиан.

– Я не буду тебя прятать от суда. Когда сюда придут по обвинению в изнасиловании, я сразу тебя выдам. Император должен знать, что я ему верен и соблюдаю порядки.

– Но как же так? Суд меня накажет, возможно, назначат казнь! – завопил Ульпиан.

– Заткнись, ублюдок! Будет суд справедливый, честный и приговор самый суровый, уж я постараюсь. Но еще я постараюсь настроить моих преторианцев. Твой случай не единичный. Почти с каждого преторианца есть за что спросить по всей строгости. Они выступят на твою защиту. Мы покажем, что в Риме мы единственная сила, мы решаем, что хорошо, а что плохо. Нас должны слушать все.

– И император?

– Конечно! Ведь мы же его провозгласили.

– Что мне теперь делать?

– Для начала останови кровь, а то ты заляпал мне весь пол. Далее. Из лагеря выходить тебе не надо, останешься здесь до появления судейских. Задумаешь бежать – тебе сразу смерть. Я не позволю такому ничтожеству, как ты, сорвать мои планы.

– Ну, в итоге после всего меня освободят?

– Конечно!

– Ты прости меня, префект, я говорил не подумав.

– И делал с женой всадника тоже не думая. Почему ты не любишь свою мать, Ульпиан, ведь она так заботится о тебе?

«Потому что ее любишь ты, – подумал преторианец. – И после смерти моего отца она никогда не вспомнила его добрым словом, она ушла с его похорон, чтобы спать с тобой».

Вслух Валерий Ульпиан ничего не сказал, пытаясь шейным платком остановить кровь из разбитого носа. Эмилий Лет отослал его прочь.

Он разделался с ужином, велел рабу разжечь побольше жаровен, так как становилось совсем холодно и в ожидании офицеров с ежедневными докладами лег подремать на кровать, стоявшую неподалеку от стола. Эмилий Лет стал думать о своей жене, дочери и сыне, живущих на Эсквилине, которых уже почти месяц он не навещал. Сын входил в ту пору молодости, когда надо бы его определить на службу трибуном-ангустиклавием в легион. Но куда? В восточные провинции к Песценнию Нигеру? Нет, там слишком много соблазнов восточной изнеженности, роскоши, лентяйства. Лет хотел, чтобы сын вырос суровым и целеустремленным. Лучше всего в паннонские легионы к Септимию Северу или на германскую границу. Дочь – его старший ребенок, была больной и хоть и шагнула за порог двадцати лет, у нее не имелось никаких шансов выйти замуж. Жена Эмилия Лета подозревала, что их дочь тайно посещает собрания

христиан. Префект претория давно махнул на нее рукой и опасался только одного – лишь бы ее религиозное увлечение не испортило его карьеру, ведь христиан сейчас хоть и не преследовали, но не любили.

Эмилий Лет заснул, но спокойно проспать до утра у него не получилось. После полуночи в преторий пришли трибуны когорт. По лицам своих подчиненных префект понял, что разговор получится не из приятных. Кто из этих трибунов ему предан? Никто. Пожалуй, только Марк Квинтиллиан, но он несет службу во дворце. Лет пригласил трибунов разместиться на лавках напротив его стола. Пока они рассаживались, префект осторожно посмотрел, по-прежнему ли под подушкой лежит *пугио*, положенный туда еще при Коммод, когда Лет стал серьезно опасаться за свою жизнь. Нащупав под подушкой сталь, Эмилий Лет немного успокоился.

Предвосхищая главный вопрос преторианских трибунов, он сам рассказал им о беседе с императором и о том, что с деньгами придется подождать.

– А сколько ждать? – проворчал трибун первой когорты. Возгласами возмущения его поддержали остальные трибуны.

– Император не уточнил. К тому же прошло только две недели от первой выплаты. Нам стоит подождать. Придут в казну налоги, потом еще и...

– Прости, префект! – поднялся трибун четвертой когорты. – Мы понимаем, что прошел малый срок. Но почему император Пертинакс сам не хочет сказать нам, когда ждать остальную сумму? Он мог бы написать нам послание, если его честь не позволяет лично прийти к своей верной гвардии и поговорить с ней. Однако он предпочитает общаться с нами через тебя, префект. Мы, конечно, тебе доверяем, но делаем вывод, что император пренебрегает нами.

– Да, август, кажется, забывает, кто дал ему этот титул! – воскликнул трибун первой когорты. – Не сенат, а мы, преторианцы! Только наша поддержка убедила сенат выбрать императором именно Пертинакса, а не кого-то другого.

– Я услышал вас, друзья мои! – ответил Эмилий Лет. – И обязательно передам императору ваши пожелания.

– А вот мне кажется, – выкрикнул трибун пятой когорты, – что выбор нашего префекта был продиктован личной выгодой, а не общественной! Я хочу сказать, Эмилий Лет, что ты попросил нас назвать императором Публия Гельвия Пертинакса, зная, что тебя он точно обласкает подарками и оставит префектом претория. А выплаты по 12 тысяч сестерциев это были просто красивые обещания!

– Ты говоришь так потому, что завидуешь, Флавий Гениал, – ответил Эмилий Лет, раздражаясь на наглость и непочтительность трибуна. – Я помню, ты был среди кандидатов в префекты претория, но Коммод выбрал меня.

– А когда ты узнал, что Коммод собирается наказать тебя за плохую службу, ты убил его! – бросил обвинение Прим и оглянулся на своих товарищей, ища у них поддержки.

Однако остальные трибуны насупились и молчали, подозрительно глядя то на трибуна пятой когорты, то на префекта претория.

Эмилий Лет вне себя от ярости подскочил к Флавию Гениалу и схватил его за *фибицу* плаща. Он понимал, что слова трибуна – не более чем наглое оскорбление, он не может знать, что Лет действительно принимал участие в заговоре.

– Как ты смеешь так говорить? – прорычал префект, перекошенным злостью лицом уставившись на Гениала. – Кто внушил тебе эту чудовищную ложь? Ты сам ее придумал?

– Мое предположение может быть и правдой! – парировал трибун. – Чем ты оправдаешься?

– А разве я должен оправдываться перед тобой, Гениал? Ты кто такой?

– Я преторианец и представляю интересы моих товарищей.

– Кто-нибудь еще хочет обвинить меня в убийстве? – Эмилий Лет с ненавистью обвел глазами трибунов.

– Нет, префект, мы не обвиняем тебя в этом! – слышались разрозненные голоса. – Гениал слишком заносчив! Прости его! Он так хочет на твое место, что зависть ослепляет его.

Видя, что поддержки у него не нашлось, Флавий Гениал, со злости прикусив губу, сел на место.

– Императорский лекарь Гален, осмотрев тело Коммода, пришел к выводу, что он умер от апоплексического удара, – произнес Эмилий Лет, возвращаясь за стол. – Гален известен по всей империи. У меня не было причин не доверять его словам. Атлет Нарцисс и Эклект пришли сюда и сообщили о смерти, понимая, что гвардия должна первой узнать эту скорбную и очень важную весть. Я предложил вам провозгласить Пертинакса императором, напоминая, именно для того, чтобы не разразилась гражданская война, неизбежная, когда неожиданно прерывается династия. Никто из нас не хочет войны, правда? Я изложил все достоинства Пертинакса, которых у него очень много, и вы согласились назвать его новым властелином Рима.

– Если бы ты посулил двенадцать тысяч сестерциев за кого-то другого, мы бы тоже согласились с любыми твоими убеждениями, – сказал, усмехнувшись, трибун шестой когорты Туллий Криспин. – Двенадцать тысяч – хорошие деньги!

– Да тебе лишь бы деньги, Криспин! – возмутился Флавий Гениал. – Ты никогда настоящему не любил нашего доброго императора Коммода. Только подарки нравилось от него получать.

– А за что мне его любить? – ответил Криспин. – Я с ним спать не собирался! У него для этого была Марция да еще свора любовников и любовниц. Я преторианец, у меня все просто. Если император хорошо платит, делает поблажки, подарки – это хороший император, я его чту и отдаю за него жизнь, если не платит, пренебрегает – это плохой император, его стоит сменить. Умер Коммод и что ж? Жалко. Но на то воля богов. Надо думать, как нам жить при новом императоре.

– Я, как и вы, скорбел о Коммодe! – продолжал Лет. – Я, не будучи преторианцем, удостоился чести стать вашим префектом! Я до сих пор скорблю о нем. Коммод уважал Пертинакса, делил с ним консульство, считал его своим другом. Кто еще, как не Пертинакс, мог и должен был наследовать Коммоду? Но новый император, заняв палатинский дворец, оказался совершенно плененным властью. Он опьянен и покорен ею! Власть сделала его глухим, несговорчивым! Но я напоминал, напоминаю и буду ему напоминать, чьими стараниями он сидит на троне. Я верю, честный, справедливый человек, каким всегда был Пертинакс, обязательно восторжествует над собой.

– Как много громких, высоких слов, – пробормотал тихонько Флавий Гениал. – Именно такими патетическими словами ты и добился у Коммода назначения префекта претория.

– Но есть люди в окружении Пертинакса, которые направляют его путем гордыни, – продолжал Эмилий Лет. – Это они советуют ему не слушать меня, забыть про гвардию и опираться только на сенат.

– Кто? Кто эти люди?! – воскликнули трибуны.

– Эклект, ставший управляющим императорским дворцом. Хитрый и коварный лстец. Он воровал у Коммода сокровища, постоянно спаивал нашего любимого императора! А сейчас Пертинакс в своей доброте приблизил его к себе, и дурное влияние этого грека сразу же сказалось.

– Эклект воровал у Коммода сокровища? – недоверчиво спросил трибун седьмой когорты. – И как же он остался жив?

Однако эта реплика осталась без внимания остальных трибунов, с интересом слушавших своего командира.

– Эклект был в тот день на Вектилианской вилле, когда Коммод умер. Наверняка он опять спаивал его, и именно это вызвало апоплексический удар.

– Всем известно, что Коммод затеял оргию в последний день года, – сказал трибун Туллий Криспин. – Но там было много его любовников и любовниц, то есть, я хочу сказать, пили много и без участия Эклекта. Я не защищаю этого грека, не подумайте, друзья. Просто говорю, что очевидно.

Эмилий Лет, не обращая внимания, продолжал свою линию:

– Когда все закончилось и Коммод выгнал участников оргии с виллы, там осталось немного людей. Эклект, Марция, Нарцисс и рабы. Эклект сам мне говорил, как он потом пил с Коммодом, хотя тому стало плохо. Коммод еще сильно разгневался на Марцию. Она будто специально доводила его. Гнев и вино сделали свое дело. Кстати, я слышал о таких ядах, которые могут вызывать апоплексический приступ, не оставляя запаха и других следов.

– Ты хочешь сказать, префект, что это Марция и Эклект довели до смерти нашего императора? – спросил, мрачняя, Флавий Гениал. – А возможно, и убили его?

– Да, это вполне возможно. А теперь Эклект сделал предложение Марции выйти за него замуж.

– Неужели?

– Через несколько дней вы все услышите, и причин не доверять моим словам у вас не будет. Разве не кажется странным, что два человека, бывшие при смерти Коммоды, решили теперь жить вместе?

– Да, это очень подозрительно! Нужно публично обвинить их! – раздались возгласы трибунов.

– Я думаю, нужно подождать! – заключил Эмилий Лет.

– Ждать, но чего? Пока они убьют Пертинакса, и мы точно останемся без обещанных денег? – продолжали шуметь трибуны.

– Мы подождем, пока их дурное влияние на императора не станет всем очевидным. Тогда мы нанесем удар. Обвиним их и поставим в неловкое положение Пертинакса. Ведь он покрывает убийц, а это очень подозрительно. Тем самым мы заставим его выложить по шесть тысяч на каждого преторианца.

– А если и тогда он откажется?! – рявкнул Гортензий Прим. – Его следует убить!

– Тише, трибун! – прикрикнул на него Эмилий Лет. – Твои слова – прямой призыв к мятежу! Друзья, простим Гортензию Приму его несдержанность. Он всегда такой горячий! Остерегись, Прим, твой язык до добра не доведет. Если же Пертинакс опять заартачится, то это даст нам сигнал к решительным действиям.

– К каким конкретно? – деловито спросил трибун второй когорты.

– К самым решительным! – дипломатично ответил Лет.

Когда трибуны ушли, префект претория вздохнул с облегчением. Он радовался исходу этого неприятного разговора. Его подчиненные поверили ему и теперь, по крайней мере какое-то время они станут вести себя спокойно и ждать указаний к действию, не предпринимая их самостоятельно. Таких инцидентов, как с сенатором Ласцивием, больше не произойдет. Но будь на троне Коммод, самовольная выходка группы преторианцев, пытавшихся заставить Ласцивия бороться за трон, привела бы к массовым казням, и в первую очередь полетела бы голова Эмилия Лета.

Теперь у префекта имелось три плана, как нажать на Пертинакса и заставить его во всем слушаться преторианскую гвардию или же распрощаться с дворцом и жизнью. Первый, и самый спорный, – это судебный процесс над Валерием Ульпианом. Здесь свои сложности. Пойдет ли вся гвардия на защиту этого глупого юнца? Последний римский царь Тарквиний Гордый, изнасиловавший добродетельную матрону Лукрецию, лишился не только трона, но и жизни. И хоть с тех времен прошло много веков и нравы сильно поменялись, все равно дело об изнасиловании

преторианцем жены римского всадника – не лучший способ доказать Риму, что преторианцы имеют право влиять на власть. Второй план, о котором сейчас говорил Лет с трибунами, более действенный. Не пройдет и нескольких дней, как во всем Риме начнут обсуждать Эклекта и Марцию, погубивших Коммода. Скорее всего, их станут превозносить. Теперь главное – не тревожить Пертинакса и дать ему забыть о требовании преторианцев выплатить шесть тысяч сестерциев каждому. Сам же Эмилий Лет регулярно будет говорить своим подчиненным, что император упорствует, а Элект его подзуживает. Третий план префект связывал с консулом Фальконом. Возможно, это самый действенный, но и самый опасный вариант. Если Фалькон согласится стать императором, но переворот не удастся, то милосердием Пертинакса, как в ситуации с сенатором Ласцивием, префекту претория и его преторианцам не отделаться.

Эмилий Лет хотел было снова лечь спать, но тут появился Марк Квинтилиан. От трибуна несло вином. Трибун все рассказал префекту о решении Пертинакса наказать его за разгильдяйство преторианцев во дворце.

– Несмотря на приказ, надеюсь, ты не будешь препятствовать мне выходить из лагеря?

– Ну, пока письменный приказ я не видел, поэтому ты свободен, Квинтилиан.

– А после?

– Друг мой, как можно не подчиняться слову августа? – насмешливо спросил Эмилий Лет.

Марк Квинтилиан понуро сел за стол, спросив, нельзя ли выпить вина.

– Хватит тебе на сегодня пить. Куда ты собираешься выходить? Пьянствовать, нарушать порядок в городе? Чтобы потом император меня наказал за мой недогляд?

– Нет, клянусь Геркулесом, префект, я буду вести себя подобающе!

– Не темни, Квинтилиан, говори, куда и зачем пойдешь, кто и когда тебя ждет?

– Это не только моя тайна, префект, – уклончиво ответил трибун.

– Тогда и говорить больше не о чем.

– Послушай, Лет, – фамильярно сказал Квинтилиан. – Мы же с тобой друзья.

– Дружба дружбой, а служба службой, извини, дружище, иди спать.

– Нет, я умру, если не смогу выходить. Я лучше дам себя убить при побеге отсюда, но ничто меня не удержит.

– Ты болен и тебе нужно лечиться?

– Да, я болен.

– И как называется болезнь, которую ты подцепил?

Марк Квинтилиан молчал.

– Я должен знать все как твой непосредственный командир и как друг. Я не прошу себе, если с тобой что-то случится, – сердечно произнес Эмилий Лет, ожидая, что трибун вот-вот проговорится. – Так что за болезнь?

– Марция Аврелия Цейония Деметрия! – торжественно произнес Квинтилиан.

– Амазонка! А у тебя хороший вкус! – воскликнул, обрадовавшись, префект претория. – И давно она тебя пронзила стрелой любви? Или ты ее сначала пронзил своим мечом, а? Ха-ха-ха.

– Не смейся, Лет. Тут нет ничего смешного. Тебе не понять, как мне плохо без нее! – мрачно сказал трибун. – Дай лучше вина.

– Хорошо, вино я велю подать тебе в твою комнату. Но сначала скажи – ты где с ней собрался встречаться? Марция тебя точно ждет?

– Да, ждет! Сначала я продолжу ходить к ней на Вектилианскую виллу, а когда она выйдет замуж за Эклекта, то буду пробираться во дворец.

Эмилий Лет задумался.

– Во дворце тебя могут легко схватить. Получается, что ты ослушался приказа императора, вышел за стены лагеря и пробрался во дворец. А кто проникает в императорский дворец

тайно? Только тот, кто злоумышляет против августа. Как итог смерть тебе и смерть мне, ведь я за тебя в ответе.

– Преторианцы меня знают, и если и заметят во дворце, то не станут поднимать шум, – ответил Квинтиллиан.

– Кроме преторианцев во дворце много других людей. Твоя промашка будет стоить жизни не только тебе, но и мне. Поэтому зачем мне так рисковать?

Марк Квинтиллиан с отчаянием и мольбой посмотрел на командира.

– Ну, хорошо, Марк, я не могу отказать тебе как другу, но и ты должен пойти мне навстречу и выполнить условия.

– Какие?

– Когда ты будешь ходить в императорский дворец на встречу к Марции, ты должен мне рассказывать обо всем, что поведает твоя любовница. Я имею в виду, конечно, не любовный лепет, а любые мелочи, касающиеся Пертинакса и Эклекта. Меня интересует все.

– Получается, я должен шпионить? – грустно произнес Марк Квинтиллиан.

– Это не совсем так.

– Как ни назови, суть не изменится.

– Твое решение?

– Ради встречи с Марцией я согласен на все, даже убить, если это нужно.

– О! Ну, этого пока не требуется. Но я буду иметь в виду твое обещание. Ха-ха!

– Это все?

– Нет! Основное значение имеет факт твоей поимки. Если это случится, я не должен пострадать. В отличие от тебя, мне дорога моя должность и моя жизнь.

– Это понятно.

– Так вот. Поклянись, что не сдашься живым.

– Клянусь Юпитером, Юноной и Минервой, клянусь Геркулесом, что не дамся живым, и если не будет другого способа избежать моей поимки, я покончу с собой.

Марк Квинтиллиан произнес это спокойно, уверенно и даже с радостью, ведь клятва избавляла его от неопределенности в дальнейших встречах с Марцией.

Эмилий Лет знал своего трибуна довольно долго и потому не сомневался в его словах. Он отпустил Квинтиллиана и легко заснул, отмечая напоследок, что еще один человек теперь будет ему в помощь против императора. И кто знает, может быть, именно на него префект претория потом сделает главную ставку в своей хитроумной игре.

Глава пятая

Александр отложил кисть и посмотрел на кратер, который только что закончил расписывать сценами колесничих бегов. Он осторожно повертел его за ручки, придирчиво оглядывая каждую лошадь в упряжке, каждую ось на колесах колесниц. Ему казалось, что возницы недостаточно искусно выписаны, а морды лошадей слишком длинные. Вглядываясь все больше и больше, он пришел в полное раздражение. Работа не нравилась ему. Он видел – в изображенных фигурах нет того изящества, присущего творениям великих греческих вазописцев, а ведь Александр так хорошо изучил их технику! Нет и напряжения, с которым мчатся наперегонки колесницы. Он с силой оттолкнул кратер, испачкав пальцы в непросохшем черном лаке. Сосуд отлетел на противоположную сторону стола, но не упал на пол. Александр крикнул раба. Проходивший рядом с комнатой, переоборудованной в мастерскую, ученый раб Андрокл услышал крик господина и подошел к нему.

– Андрокл, скажи какому-нибудь рабу, пусть принесет мне хиосского вина! – пытаюсь оттереть испачканные пальцы, бросил Александр, едва взглянув на старика-грека.

– Прости, господин, но это невозможно.

– Что еще? Ну, сам сходи за ним, если свободен от своих ученых дел.

– Дело не в этом. Император урезал сумму, на которую содержится эта вилла, и прости, господин, но если купить хиосское вино, то что нам подавать к столу, кашу легионеров?

– Как урезал? – недоверчиво буркнул Александр. – Когда?

– Позавчера из дворца пришел раб и сказал, что в этом месяце и в следующем больше денег не будет. Так как вся семья императора живет во дворце, то эта вилла должна жить скромно, ведь кроме тебя, господин, и твоей жены да десятка рабов здесь никого нет.

– Гм! Почему ты раньше мне не сказал?

– Ты же был занят вазами, господин, и просил не беспокоить.

– Правильно, Андрокл, ты поступил верно. Скажи, сколько у нас осталось денег?

– Мы с Диогеном еженедельно подсчитываем расходы, и он говорил вчера, что осталось всего три сотни денариев.

– Благодарю, Андрокл, можешь идти.

Мягкая покорная речь грека немного успокоила Александра. Давно, когда он был совсем юн, Андрокл обучал его греческому языку, математике и философии. Это было в Сирии, где Пертинакс служил наместником. Александр тогда относился к доброму и мудрому Андроклу, как к отцу, хоть тот и был рабом.

Александр окинул взглядом свою мастерскую. В комнате, служившей ранее библиотекой, теперь на гончарном круге создавались сосуды и тут же расписывались. Обжиг предполагался в подсобных помещениях, но до него так ни одна ваза и не дошла.

Переехав в дом Пертинакса, Александр почувствовал себя в нем полновластным хозяином и для собственного удобства перенес библиотеку в другое место, а здесь решил развлекать себя своим прошлым ремеслом. Вернувшись из поездки к Септимию Северу, он понял свою значимость для императора и потому ждал, что Пертинакс будет постоянно его вызывать для важных государственных поручений, а в свободное время он займется вазописью, что называется «для души». Но в прошлом, когда изготовление и роспись ваз было средством его существования, Александр создавал поистине шедевры, полностью отдаваясь любимому делу, его талант позволял осуществлять самые сложные сцены, наполненные художественным драматизмом и виртуозностью техники. Теперь, когда уже не стало необходимости бороться за выживание, он решил не спеша создавать то, что давно хотел. Не избитые веками сюжеты, которые интересны всем, но не ему, а реализовать свою собственную фантазию. Попивая вино, неспешно поедая устриц, Александр смотрел, как нанятые им гончары создают по его приказу

вазы, а потом сам подходил к ним, чтобы расписать. Он думал, как будет интересно рассказывать о своем увлечении в окружении императора и, скорее всего, его амфоры станут раскупать за баснословные деньги. Возможно, не из-за высокого художественного вкуса заказчиков, а чтобы угодить человеку императора и потом пользоваться его благосклонностью. Но шли дни, а император больше не вызывал к себе Александра, роспись выходила вялой, очень обыденной, а собственные сюжеты казались творцу глупыми и бессмысленными. Александр прогнал гончаров и сам сел за гончарный круг, надеясь, что если он сам станет работать над вазой от начала и до конца, то вдохновение обязательно посетит его. Но и это не помогло. Берясь за кисть, он больше думал не о тонкостях рисунка, а о том, что император забыл его, и клял себя за то, что оставил когда-то службу у Пертинакса, стремясь стяжать славу знаменитого вазописца. Будь он всегда при Пертинаксе, наверное, император взял бы его во дворец, а не бросил прозябать на вилле в Каринах. Ливия упрекала мужа за его честолюбие и напоминала, что совсем недавно они бедствовали, живя в бедняцкой Субуре, а теперь ему мало шикарной жизни в квартале богачей. Она не могла понять такой быстрой перемены Александра.

Все, что он создал, казалось Александру отвратительным. Он уничтожал свои амфоры, *кратеры*, *лекифы* в тот же день, как заканчивал роспись, после придирчивого их осмотра. Он знал свои возможности и понимал – сейчас он никак не может создать даже что-то близкое к шедевр. Ливия, тоже научившаяся разбираться в тонкости вазописи, молча соглашалась с мужем. Она видела слабость его работ и тоже не понимала, что происходит.

Александр вернулся к простым, заезженным сюжетам, надеясь в них обрести вдохновение, но опять потерпел неудачу. Глядя на свою работу, он отмечал – стоимость ее самая дешевая. Но тут же забывал об этом, справляясь у рабов, нет ли сообщений с Палатина. Александр задавал этот вопрос несколько раз за день и каждый раз, получая отрицательный ответ, раздражался все больше и больше. Ему казалось, что кто-то уже занял предназначенное судьбой именно ему место рядом с императором. Любой другой, не задумываясь, побежал бы во дворец, чтобы лишний раз напомнить о себе. Но Александр был горд и не мог преступить через себя. Именно поэтому он и мучился.

Когда Андрокл сказал об урезании денег на содержание виллы, для Александра это стало еще одним доказательством того, что Пертинаксу он больше не нужен и все честолюбивые мечты следует похоронить. Расстроенный и злой, он пошел к Ливии, чтобы выговориться.

Ливия полулежала на подушках в их спальне и кормила фруктами обезьянку, которую держала на руках рабыня, следящая, чтобы животное не убежало и не нагадило на ложе госпожи. Александр отослал рабыню, брезгливо глянул на обезьяну и начал с того, что возмутился присутствием этой твари в доме. Ливия сразу поняла, что ее муж – комок нервов.

Она не могла привыкнуть к нему такому, ведь раньше он был ласковый, нежный, говорил о любви к ней и о своей любимой работе. Возвращение из Паннонии его полностью переменяло. Ливия выслушала мужа молча, сочувственно глядя на него и все время гладила его по руке. А когда поток слов иссяк, она прижала его голову к груди и стала гладить по волосам.

– Я вижу, ты совсем извелся. Ты говоришь, что хочешь быть полезным императору, Риму, чтобы все тебя знали и уважали, но разве это не простое тщеславие, милый? Мы были очень счастливы в нашем худом доме в Субуре, а теперь, когда есть все, что только можно пожелать, мы почти не чувствуем друг друга: если мы и говорим, то не о нас, а о политике, о чужих, далеких от нас людях. Может, все эти сенаторы, всадники, должности, деньги, почет не стоят и одной твоей самой замечательной вазы, что ты раньше создавал. В конце концов они все исчезнут, а ваза останется.

– Это было раньше, сейчас я уже ничего не могу! – сокрушенно произнес Александр, отвлеченно глядя на расписной потолок. – Да и что вазы? Они так же хрупки, как и человеческая жизнь. Знаешь, еще недавно я думал – искусство прекраснее всего на свете. Я и сейчас этого не отрицаю. Но как же здорово, когда ты можешь и создать что-то великое и при этом

сидеть неподалеку от императорской ложи в Большом цирке, есть павлиньи язычки при первой же прихоти, помочь какому-нибудь всаднику в получении должности, лишь только замолвив за него слово императору, ссужать деньгами разоряющихся сенаторов, зная, что они, конечно, не смогут отдать долг, но сознавать, что их род, ведущий начало от первых царей, задолжал вольноотпущеннику. Вот она, настоящая жизнь! Не прозябание, а истинное наслаждение! И она не так уж и недостижима. Ведь мы с тобой переселились же из проклятой Субуры в квартал богачей! Осталось переселиться на Палатин! Я честолобив? Почему бы и нет! Император сам сын вольноотпущенника! Чем я хуже? Почему мне нельзя хотеть стоять рядом с властелином мира?

Ливию больно уколола фраза мужа про «проклятую Субуру». Да, квартал бедняцкий, с дурной славой, но там стоял дом, где она родилась, где жили ее родители, память о них она благоговейно чтит. И Александр раньше никогда так не говорил, наоборот, старался улучшить их простую жизнь, сам раскрашивал стены дома. Но то было раньше. Теперь это время безвозвратно утекло, Александр не хочет его вспоминать, а она, сейчас живя в роскоши, постоянно вспоминает о нем.

– Может, тебе самому пойти к императору, например, чтобы узнать, правда ли мы теперь стеснены в средствах и не выделит ли нам Пертинакс побольше денег? Сейчас, зимой, их требуется немало.

– Ливия, я никогда не просил денег, не стану делать это и сейчас.

– Но ведь это же непрактично, любимый! Мы зависим от императора, мы простые люди, не патриции, нам ли задирать нос? Ведь у богачей всегда стоит толпа *клиентов*, и среди этих клиентов есть много людей и значительнее нас. А ты вольноотпущенник Пертинакса, считай, член его семьи, почему ты упрямись?

– Да, я почти никто. Ты ведь знаешь, моя мать – гречанка из Эфеса, дочь торговца, отец – простой ауксильрий из венделиков, за свою службу не получивший даже клочка земли. Но ты пойми... Я не знаю, какие подобрать слова, чтобы тебе объяснить. Уже много сотен лет весь обозримый мир принадлежит римлянам, но когда-то это было не так. Отец умер, едва мне только шесть лет исполнилось. Но я запомнил, как он, умирая от болезни, постоянно рассказывал мне о предках – свободных людях, живших у *Данубия* и вынужденных после долгой борьбы покориться несокрушимой силе римлян. Он хотел, чтобы я помнил о них. А моя мать из греков Эфеса, чьи предки переселились туда из Фив, разгромленных Филиппом Македонским. Мои пращуры-греки так любили свободу, что всегда боролись против любой тирании. Когда понтийский царь Митридат велел вырезать всех римлян, что жили на его земле, мой предок участвовал в той страшной резне в Эфесе, о которой до сих пор помнят на Востоке, да я уверен и здесь тоже. Во мне кровь свободных по духу людей – греков и венделиков. Я горжусь этой кровью. После смерти отца моя мать, не имевшая средств к существованию, была вынуждена отдать меня в рабство, чтоб я просто не умер с голоду. И потому я с малолетства воспитывался в доме Пертинакса и на самом деле чувствовал себя частью его семьи, но никогда не забывал, кто я. Мать умерла вскоре после отца. Пертинакс, когда я подрос, освободил меня, я бесконечно ему благодарен, что теперь я не раб. И несмотря на это мне сложно просить его о милости. Я не просил ее раньше, не попрошу и теперь. Я охотно приму любой дар, но не могу просить, чего бы то ни было.

– Милый мой, храбрый и честный Александр! – улыбаясь, произнесла Ливия, целуя его. – Я рада, что ты такой. Многим римлянам не мешало бы поучиться у тебя гордости. При Коммоде даже потомки древних родов не брезговали унижаться пред этим безумцем, лишь бы что-то получить от него. Но мы не сможем содержать виллу на такие скудные средства. А император потом взыщет с нас, что здесь возникнет полная разруха. А ведь она неизбежна, потому как денег хватит только на пищу и больше уже ни на что. Наверное, закралась какая-то ошибка, мы просто обязаны подробно расписать императору расходы на эту виллу. Андрокл и Диоген

все напишут, ничего не приукрашивая, а я отнесу эти расчеты на Палатин. Заодно и расскажу Пертинаксу о посещении Дидия Юлиана, наверняка это покажется ему важным и он снова обратит на нас свое внимание.

– Да, подозрительные происки этого сенатора – хороший предлог, чтобы вновь обрести расположение императора! – с надеждой произнес Александр.

В комнату вошел раб и протянул Александру навошенную табличку, принесенную императорским рабом с Палатина. В ней император звал Александра и его жену к себе на ужин.

– Я же говорил, он вспомнит обо мне! Когда долго о чем-то думаешь и желаешь, боги всегда помогают! – воскликнул Александр, охваченный радостью и, бросив табличку, в порыве ликования обнял жену и расцеловал ее.

Ливия смотрела на него с бесконечной любовью и радовалась за мужа. Но к этим чувствам примешивалась и печаль, что между ними теперь навсегда стоит император.

В зале Юпитера – самом большом и шикарном триклинии Рима, за столом возлежали три человека. Император Публий Гельвий Пертинакс, сенатор Тиберий Клавдий Помпеян, ритор и грамматик Валериан Гемелл. Огромный стол, созданный из пентелийского мрамора, с ножками в виде сидячих крылатых грифонов, за которым могло поместиться до сотни человек, сейчас резко контрастировал с окружающей роскошью палатинского дворца необычной скромностью своего убранства. Салат из артишоков, мясо птиц, тушенное с грибами и сыром, форель, один кувшин вина. И пусть все это было подано на посуде из золота, все равно такого простого ужина давно не видели статуи громовержца Юпитера, стоявшие в нишах триклиния.

Сотрапезники императора, как и он сам, давно шагнули за порог шестидесяти лет, в потюках их густых бород серебряными ручейками извивалась седина. Голоса их, как и движения, неспешные, плавные указывали на некую общую слабость, являвшуюся признаком болезненной старости.

Валериан был немного младше императора, в молодости они вместе обучались у грамматика Гая Сульпиция Апполинария, но если со временем Пертинакс оставил преподавание и поступил на службу в легион, то Валериан Гемелл, закончив обучение, всю жизнь работал грамматиком. Сначала, как и у Пертинакса, это дело не приносило ни значительного дохода, ни известности, но Валериан, не обладая более никакими талантами, четко шел к намеченной цели – стать успешным человеком, чей труд оплачивается достойно. Но лишь к сорока годам он этого добился. Жена его умерла при родах, как и ребенок, и, оставшись вдовцом он снова жениться не стал. К пятидесяти годам заработав хорошую сумму, он, по примеру своего любимого императора Адриана, отправился в путешествия по римским провинциям, взяв с собой одну любимую рабыню и любимого юношу-раба. Слава о нем как об известном столичном грамматике помогала Валериану безбедно жить, периодически подрабатывая, многие годы. За десять лет он исколесил почти всю огромную империю, не отважившись побывать лишь в дикой Британии. И молодая рабыня умерла от лихорадки, и любимый раб попал под повозку в Киликии и умер, а Валериану все превратности пути оказались нипочем. В отличие от Адриана, чья скорбь по погибшему *Антиною* была бесконечна, Валериан легко переносил утраты и так же легко относился к смерти.

Когда Пертинакс был проконсулом Африки, его посетил Валериан. Встретившись спустя много лет, бывшие товарищи поняли, что за это время ни один из них нисколько не изменился. Пертинакс остался таким же целеустремленным, скупым, обстоятельным, честным, а Валериан веселым, немного лукавым и в то же время самым лучшим собеседником по любым вопросам – будь то философский трактат, стихи или кулинарные рецепты и пошлые шутки. Полгода прожил Валериан в Африке, почти ежедневно составляя проконсулу компанию на завтраке, обеде и ужине, а потом ушел из Утики, где находилась ставка Пертинакса, в Карфаген, Тапс, Гадрумет, и больше не вернулся обратно.

Старые товарищи встретились уже в Риме, когда Пертинакс был городским префектом. Он не забыл увлекательные беседы с Валерианом и периодически приглашал его на литературные диспуты к себе домой. Грамматик всегда с радостью приходил. На старости лет, практически отказавшись от удовольствий близости и хорошей еды, он сохранил лишь одну страсть – к доброй и долгой беседе о чем бы то ни было.

Вторым собеседником императора был сенатор Тиберий Клавдий Помпеян. Будучи старше Пертинакса на два года, он выглядел совсем стариком, его много лет мучили всевозможные болезни. Служа Риму на дунайской границе, он рано заработал себе суставную боль, однако всегда крепился и старался не замечать периодически обострившийся недуг. Хотя и родился он в сирийской Антиохии и принадлежал к сословию всадников, но по своему благородству, честности, храбрости и при этом удивительной скромности Клавдий Помпеян напоминал легендарных римлян царских времен и ранней республики, истинных слуг отечества, для которых служение Риму являлось самой большой наградой и единственным счастьем в жизни. Во время тяжелых войн Марка Аврелия с племенами варваров Помпеян вошел в число ближайших соратников императора, более того – стал его другом. В то время он заметил подающего надежды центуриона Публия Гельвия Пертинакса и благодаря его протекции Пертинакс стал кавалерийским трибуном. Возглавляя вспомогательную кавалерию, будущий император участвовал в отражении маркоманов и квадов, прорвавшихся через границу и дошедших до Северной Италии. Когда их разгромили, Пертинакс со своими конными отрядами много дней гнал беглецов до Паннонии, где их окончательно уничтожили. Марк Аврелий заметил трибуна Пертинакса и, дав ему звание претора, повелел возглавить I Вспомогательный легион.

Пертинакс глубоко уважал и любил Клавдия Помпеяна, считая его наряду с Марком Аврелием самым достойным человеком из всех современников. Когда умер соправитель Марка Аврелия, Луций Вер, то император велел Помпеяну жениться на вдове покойного – Луцилле. Она была дочерью Марка Аврелия, и он, следуя традиции усыновления будущих императоров, предложил Помпеяну принять титул цезаря и стать наследником в обход Коммода – родного сына Аврелия.

Но Помпеян отказался, даже видя, что Коммод растет злым, избалованным ребенком и несмотря на уговоры императора, Пертинакса и других друзей и соратников. Он не считал себя достойным трона. Делом всей его жизни было защищать Рим на поле боя. Когда Марк Аврелий умер и молодой Коммод, сам не имея ни способностей, ни желания вести войну, решил закончить многолетний кровавый конфликт с маркоманами, Клавдий Помпеян долго упрашивал императора довести войну до победного конца, но тщетно.

Шло время, Коммод все больше отдалялся от управления империей, погружаясь в разврат, гладиаторские бои и предоставляя распоряжаться всем своим фаворитам. Помпеян, некогда бывший дважды консулом Рима и возглавлявший штаб одной из крупнейших армий в империи, жил на покое, за городом, изредка наведываясь в сенат, и все надеялся, что его услуги еще понадобятся. Но когда его жена Луцилла приняла участие в заговоре против своего брата Коммода, он ее не поддержал, искренне веря, что нельзя нарушать волю богов, контролировавших естественный ход событий. Заговор раскрыли, несчастную Луциллу сослали на остров Капри и вскоре убили по приказу венценосного брата. Помпеян остался жив, ведь он не замыслил против Коммода, но страдал безмерно. Он любил Луциллу, но осуждал ее действия, возмущался жестоким императором, которого все равно чтил как сына дорогого друга Марка Аврелия. Прибавившиеся болезни добавили Клавдию Помпеяну дополнительных проблем и разочарований в собственной жизни. Последние годы у него появились отеки на ногах, одышка и часто беспокоила боль в груди. Он понимал, что уже никогда не будет нужен императору и из-за немощи, и из-за поведения жены Луциллы. Острое чувство упущенных возможностей преследовало старика.

В конце декабря Помпеян вернулся в Рим, его пригласил Коммод на празднование Нового года и своего очередного консулата. Но жизнь внесла свои коррективы. Неожиданно для всех жителей Рима 1 января было объявлено, что император Коммод умер от апоплексического удара, и новым властелином империи преторианская гвардия, взявшая инициативу в свои руки, объявила Пертинакса. Старые товарищи много лет не виделись, и 1 января в храме Юпитера Капитолийского их встреча прошла при таких удивительных обстоятельствах. Пертинакс, окруженный преторианцами, заискивающими сенаторами и многотысячной толпой, появился пред дряхлым стариком Помпеяном во всем своем великолепии. Бывший знаменитый полководец Клавдий Помпеян искренне радовался за своего бывшего выдвиженца. Но радость старика омрачалась смертью Коммода. Каким бы плохим человеком и плохим императором ни был Коммод, Помпеян чтит его, как верный и самый преданный слуга. С того момента, как он узнал о нелепой смерти молодого императора, для него в одночасье умер тот славный мир молодости, наполненный битвами и победами, память о котором питала Помпеяна в годы забвения. Вместе с сыном, императором Коммодом, ушел навсегда и мир его отца Марка Аврелия, наступали совсем другие времена. И хоть трон занял человек из его славного прошлого, Помпеян особенно резко, возможно, даже больше, чем кто-либо во всей империи, ощутил боль утраты от смерти Коммода. Но, может быть, это была просто боль в груди, возникавшая всегда, когда он сильно волновался.

Когда Пертинакс услышал, как Помпеян сбивчиво поздравлял его, постоянно отвлекаясь на скорбь по Коммоду, сердце его переполнили благодарность и любовь к своему бывшему покровителю. Ведь не будь его протекции Марку Аврелию, позволившей сыну вольноотпущенника выдвинуться на ведущие государственные и военные посты в империи, стоял бы Пертинакс на Капитолийском холме, готовясь принести императорские жертвы Юпитеру? Пертинакса тронула искренность старческих слез Помпеяна по поводу смерти человека, убившего его жену, сделавшего много зла Риму. В этих скупых слезах были вся честь и благородство римлянина. Поддавшись порыву чувств, Пертинакс обнял Помпеяна и, зная, что все равно тот откажется, как и много лет назад, прилюдно предложил ему стать императором. Эти слова явились для старого полководца той наградой, которую он так давно ждал. Он, конечно, отказался, но теперь знал, что его помнят и чтят и, возможно, он еще будет нужен.

После 1 января Пертинакс уже третий раз приглашал Клавдия Помпеяна во дворец, размышлял с ним о реформах, которые необходимо провести. Закончив обсуждения дел, в которых Помпеян понимал немало, а в некоторых вопросах был более сведущ, нежели император, два старых товарища пошли в триклиний, чтобы поесть и поболтать о прошлом. Помпеян ел мало и по старой легионной привычке часто обходился самой простой пищей, и потому экономия, которой всегда придерживался Пертинакс, а после того как стал императором, стал ее ярким проповедником, резко сократив расходы двора, его не волновала.

Из тушеного мяса с сыром и грибами Помпеян выбирал мясо и совсем немного сыра, не притрагиваясь к грибам. Грибы быстро вызывали у него тяжесть в желудке, а этого он тщательно избегал, так как помимо болей в сердце и суставах у него периодически ныло вверху живота. Из-за проблем с желудком вино он пил, так сильно разбавляя его водой, что от перебродившего винограда оставался только слабый цвет, а вкуса почти и не чувствовалось.

Помпеян медленно пережевывал мясо, обдумывая слова Валериана Гемелла. Глубоко посаженные глаза старого полководца, казалось, блеснули. Он потер свои впалые щеки, почесал седые волосы над ухом.

– Вот ты говоришь, Валериан, что смерть Коммода от апоплексического удара прямо накануне Нового года – это чудо, символ того, что все плохое осталось в прошлом, и новый год начался с нового императора. Но я возражу тебе. Это не чудо, а лишь совпадение, обусловленное закономерностью. Я хоть и не жил много лет в Риме, но знаю, как пил и развлекался сын моего дорогого Аврелия. Он давно мог умереть давно от таких попок. А я вот расскажу

о настоящем чуде. Ты, я вижу, не особенно чтишь богов, Валериан, а напрасно. В их власти вся наша жизнь.

– Дело каждого свободного человека – верить во что он хочет или не верить! – вставил Валериан. – Так о каком чуде идет речь? О воскресении христианского бога?

– Нет, конечно нет. Публий, – обратился Помпеян к Пертинаксу, по старой дружеской привычке. – Ты об этом знаешь, но не мешало бы и тебе вспомнить наши великие победы.

– Готов поспорить, уж не о чуде ли с дождем и градом ты хочешь рассказать? – усмехнулся Пертинакс.

– Да, именно о нем. Так вот, Валериан. Было это во времена войн Марка Аврелия с германскими варварами. Двенадцатый Молниеносный легион, преторианцы, сингулярии, вспомогательные войска – словом, большой силой мы выступили против дикарей-квадов, перешедших Данубий. Император лично вел легионеров, я тоже был в его штабе. Летняя жара стояла невыносимая. Доспехи легионеров раскалились, всех донимала жажда. Варвары вышли из леса и окружили нас. Римляне встали в оборонительный круг – сингулярии императора в центре вместе со штабом Марка Аврелия. Много часов квады непрерывно обстреливали нас из луков, закидывали дротиками, пытались прорвать строй сокрушительными атаками копьеносцев. Но все было для них тщетно. Легионеры стояли непоколебимой стеной. Но стояли из последних сил, буквально изжариваясь в доспехах и изнывая от жажды. Многие страдали от ран, истекали кровью, но держали строй. Марк Аврелий оставался спокоен. Он верил в легионеров. Я хотел возглавить атаку когорты преторианской гвардии, чтобы отвлечь квадов, и дать возможность всему остальному войску начать отход, но император не разрешил. Он не хотел терять меня и свою верную гвардию, ведь из той атаки мы точно бы не вернулись. Но что же оставалось делать? Палящее солнце словно встало на сторону квадов, чтобы уничтожить нас. И тут я обратил внимание, что египтянин Арнуфий, уже несколько лет находившийся при Марке Аврелии в качестве какого-то мага, лекаря, философа, да и кто знает еще кого, короче говоря, он начал громко молиться на разных языках разным богам – нашим, восточным, еще каким-то. Молился как-то чудно – то пел, то шептал, то издавал гортанные звуки. Особенно часто он обращался к своему египетскому богу воздуха и ветра – Шу, так он сам потом говорил. И молитвы Арнуфия были услышаны. Невесть откуда появились облака, потом вдруг грянул ливень. Легионеры приветствовали спасительный дождь громкими криками и с радостью пили, набирая воду в свои шлемы. Квады атаковали нас, но мы их отбросили. К дождю прибавился град! Градины величиной с грецкий орех!

– Мне рассказывали, что с ладонь ребенка! – вставил Пертинакс.

– Нет, это преувеличение! С орех, не больше. Но и такого града хватило, чтобы квады, шедшие в бой без доспехов, сильно пострадали от него и спрятались в лес. Представьте себе – словно десятки тысяч пращников одновременно ударили с неба! Легионеры благодаря броне стояли спокойно. В придачу к граду боги послали нам на помощь молнии. Если вначале египетский Шу нам поспособствовал, то теперь наш славный Юпитер вступился за своих сынов. Молнии били часто. Лес, в котором укрылись квады, загорелся, и они побежали к нам, чтобы не сгореть заживо. Варвары вместе с их вождем Ариогезом сложили перед легионом оружие, добровольно сдавшись в плен. Они поняли, сколь могущественны боги на римской земле. Вот это чудо, Валериан!

– Ну, уж так и чудо! – возразил грамматик. – Я много путешествовал и наблюдал за природой. Как ты говоришь, Клавдий, в тот день стояла невыносимая жара? Но ведь именно такая жара и является предвестником сильного дождя и бури. Я сам не раз попадал в такое же положение, как Двенадцатый легион, и уверяю тебя, вымокнув до нитки, тоже иной раз подумывал: а не Юпитер ли, или как там? – Шу, буйствует на небе, но разум у меня всегда брал свое.

– Нет у тебя разума, слова одни! – буркнул Клавдий Помпеян, впрочем, без всякой злобы.

Он спокойно относился к людям разных вер и даже к тем, кто не верил в богов. Как друг Марка Аврелия он рассуждал философски – каждому свое.

– Такие же любители поговорить, как ты, Валериан, – продолжал Помпеян хмуро, – распускают слухи, будто бы Коммода убили.

– Но это точно не я! – парировал грамматик. – К чему мне говорить то, что лично для меня совершенно безразлично?

– Странный ты человек. Не интересуешься современностью, только книги тебе подавай. Что ты там принес сегодня почитать, Марциала? А ведь дело нешуточное – вдруг, окажется, что на самом деле это вовсе и не слухи, а императора убили? Молва уточняет, что задушили. Значит, надо убийц найти и казнить!

– «Тот, кто без смерти достиг славы – вот этот по мне» – написал Марциал, – процитировал Валериан. – И еще его же слова: «Тот не по мне, кто легко добывает кровью известность».

– Что? – буркнул Клавдий Помпеян.

– Я хочу сказать, Марциал для меня олицетворяет истинное величие, он достиг своим творчеством славы и почета при жизни, а Коммод что? Кто его добрым словом помянет? Уверен, что, когда пройдет лет сто, наши потомки будут вспоминать о нем как о злом гладиаторе на троне, любившем наряжаться в Геркулеса и умершем так кстати накануне Нового года. Никто и не вспомнит, что он сын Марка Аврелия.

Пертинакс понял, что пора вмешаться в диалог. И дело даже не в том, что Клавдий Помпеян и Валериан Гемелл могли поссориться. Помпеян стал говорить об очень неприятном – о слухах про убийство Коммода. Кто распространял их по Риму, пока было неизвестно. Официальную версию – апоплексический удар – приняли в сенате и так и объявили народу. Но в последние дни даже до Пертинакса дошли эти слухи. Их следовало немедленно прекратить. Как бы истина не вышла наружу. Пертинаксу не хотелось, чтобы его имя смешали с кровавым убийством предыдущего императора. Он мог быть спокоен за Марцию – она точно не сболтнет лишнего, ведь это совсем не в ее интересах. Марция дала Коммоду яд и потому, если что, ей и первой отвечать. Атлет Нарцисс, задушивший императора, тоже не стал бы бахвалиться – преторианцы несут о Коммодe добрую память и могут быстро с ним расправиться. Эклеkt, управляющий Вектилианской виллой? Зачем ему это нужно? Он теперь управляет палатинским дворцом. Только Эмилий Лет мог! Назло Пертинаксу, не желавшему выплачивать преторианцам оставшуюся сумму. Сам он, естественно, ни при чем. Лет лишь предложил на трон кандидатуру префекта Рима – человека, близкого к Коммоду. А Эклеkt и Нарцисс пришли ночью в преторианские казармы и сообщили префекту претория о смерти императора. Их легко можно объявить убийцами, действующими в интересах кого угодно – хоть своих, хоть Пертинакса или кого-то еще. Слухи найдут благодатную почву. Народ, обложенный налогами, вряд ли возмутится фактом убийства, но в сенате, безусловно, найдутся те, кто, воспользовавшись этим обстоятельством прихода Пертинакса к власти, станет интриговать против него.

Кроме того, Пертинаксу было очень неприятно обманывать своего друга Клавдия Помпеяна, даже не представлявшего себе, какую роль в такой неожиданной смене власти сыграл его бывший выдвиженец. Если Пертинакс и чувствовал стыд за участие в заговоре против Коммода, то только перед Помпеяном, честно служившим сыну Марка Аврелия. Императору не хотелось, чтобы он узнал неприглядную правду.

Сейчас необходимо было направить разговор в другое русло, дабы тема слухов забылась сама собой хотя бы на сегодняшний вечер. Пертинакс позвал рабов и попросил их подобрать углей в жаровни, обогревавшие триklinий, так как *система гипocausta* не справлялась с созданием достаточного тепла.

– Опять похолодало! – сказал император. – Снег вновь может сегодня пойти. Один раб, понимающий в изменениях погоды, так говорит. Ни разу еще не ошибся. Твой рассказ, Пом-

пеян, про битву во время грозы, который я уж не раз слышал, напомнил мне о моей битве. Сегодняшний холод как раз заставляет вспомнить об этом.

– Это про то сражение на льду ты говоришь? – спросил Клавдий Помпеян. – Я уж плохо помню. Давай расскажи, разогрей кровь воспоминаниями.

– Храбрые мужчины меряются своими... – по-доброму улыбнулся Валериан. – Победами, конечно!

– Зимой мы погнали язигов за Данубий. Мой Первый вспомогательный легион вступал на лед реки когорта за когортой. Я думал, Зантик – царь язигов – давно убежал, воспользовавшись нашим медленным выходом на лед. А он, наоборот, только этого и ждал. Всадников у него было много – все в шкурах медведей и волков, им мороз нипочем. Как только весь легион оказался на льду, Зантик направил язигов на нас. Кони скользили, и это не дало им разогнаться и быстро напасть на нас, а нам позволило успеть встать в большой квадрат. На каждой стороне по много рядов легионеров – такую стену не проломить! В центре этого квадрата стоял я со штабом, легионная кавалерия, ауксиларии. Понятно, что зима в варварских землях намного суровее нашей, и лед на реках толстый и крепкий. Но даже самый толстый лед может треснуть, если в одном месте встанут несколько тысяч человек. Никаких египетских философов-магов у нас не было, как у Марка Аврелия, но мы молились сами – Юпитеру, Марсу, Геркулесу, *Белонне*. И лед стоял под нами тверже скалы. Легионеры уперлись в щиты, чтоб не скользить, выставили копья и ждали. Конные язиги примчались, но мы стояли. Зантик думал, наверное, что мы, римляне, непривычные к битвам на льду. А мы и на льду реки показали себя, как и в поле. Легионеры хватали язигов за их копья или коней за узду и гриву и стаскивали варваров на лед и добивали. Конечно, варвары пытались отойти, чтоб начать новую атаку, но легионеры вцеплялись в них намертво – за шкуры, в которых они были одеты, за конские хвосты. И хоть язиги и окружили легион, но пробиться ко мне, чтоб убить, не могли. Скользящая поверхность не давала нормально сражаться, и мои легионеры и варвары, на коленях, ползком и плашмя бились на льду. Странное зрелище! Совсем не героическое. Упавшие кони скользили по льду и растекавшейся крови, вставали и снова падали. Я видел, как многие наши, потеряв при скольжении оружие, нападали на язигов с голыми руками и душили их. Варваров становилось все больше вокруг нас – они прибывали. Зантик лично вел их. Я не сомневался в стойкости моего легиона, но так как на льду людей и коней становилось все больше и больше, он начал давать трещины. Вот ты, Валериан, не веришь в богов, а я в тот день горячо взмолился и обещал в жертву Юпитеру много быков, лишь бы лед окончательно не треснул. И все обошлось! Юпитер был с нами. Зантик понял – нас не сломить и увел своих людей.

– Великая победа! – громко произнес Клавдий Помпеян, поднимая кубок. – Какие были времена!

– Вот как раз Марциал написал на подобную тему! – сказал Валериан, пошуршал свитками, нашел нужный и продекламировал:

– В Тибур прохладный идя, где встают Геркулеса твердины,
Там, где Альбулы ключ серою дымной кипит,
Рощу священную Муз на любезном им сельском участке,
Там у четвертого ты видишь от Рима столба.
Летом здесь тень доставлял незатейливо сделанный портик
Ах, несказанного зла портик едва не свершил!
Рухнул он, вдруг развалился, когда под громадою этой
Ехал, отправясь гулять, Регул на паре коней.
Наших, сомнения нет, побоялась жалоб Фортуна:
Негодования взрыв был не под силу бы ей.
Ныне ж на пользу ущерб; опасность сама драгоценна:

Целой бы не доказать крыше богов бытия.

– Ты сравниваешь судьбоносные для Рима битвы с персонажами эпиграмм, Валериан? – возмутился Клавдий Помпеян. – Думаешь, легионеры возроптали бы на богов, если бы им пришлось умереть?

– Марциал писал свои эпиграммы не про конкретный случай, их смысл применим ко многим подобным ситуациям, сенатор! – возразил грамматик. – Ты что, незнаком с творчеством Марциала?

– Не пытайся меня поддеть, Валериан! – возразил Помпеян, приподнимаясь на ложе и кряхтя от боли в суставах. – Я хоть и не ученый, но книги читал всегда и римских авторов знаю почти всех. Но в нашем разговоре твой пример из Марциала совсем неуместен. Ты невоенный человек и потому не можешь понять...

– Что не могу понять? Что нами управляет не случай, а боги?

– Предлагаю не спорить! – миролюбиво предложил Пертинакс. – Валериан, умерь свой пыл. Отстаивая свое безбожие, ты становишься совсем как иудейский фанатик, который доказывает всем, что бог есть только у иудеев.

– Я никогда не был фанатиком, император! – проговорил грамматик, тоскливо глядя на опустевший золотой кувшин.

Пертинакс понял его взгляд и позвал раба, чтобы тот принес новый кувшин, но теперь с горячим вином, приправленным специями и медом.

– Что-то разговор у нас какой-то стариковский, только прошлое вспоминаем, – сказал Валериан Гемелл.

– А ты что, молод? – буркнул Помпеян.

– Я не думаю о возрасте.

– Хорошо не думать, когда ничего не болит, – горестно покачал головой сенатор. – И когда ты знаешь, что еще послужишь Риму, что ты еще ему нужен. Ты не думай, я вот тоже помню из Марциала: «радости долго не ждут, но, убегая, летят, крепче их прижимай руками обеими к сердцу, ведь из объятий порой выскользнуть могут они!». Мои победы при Марке Аврелии и есть все мои радости, о них я все время вспоминаю, чтобы не разочароваться в себе, старой развалине.

– Но в этом же стихе, сенатор, Марциал продолжает: «Жизнью завтрашней жить – поздно. Сегодня живи!»

– Валериан прав, – сказал Пертинакс. – Слова Марциала верны. Рано отчаиваться и считать себя ненужным, мой добрый друг Помпеян. Ты нужен мне, ты нужен Риму. Твои советы помогли принять мне верные решения, о них я на днях объявлю сенату.

Клавдий Помпеян слабо усмехнулся и отпил горячее вино, принесенное рабом.

Пертинакс, обратился к своей еде, выбирая из мяса грибы и съедая их отдельно. Валериан с усмешкой посмотрел на него, покопался в листках книги, но потом отложил их и прочитал по памяти:

– Прости меня, император, но уж очень четко сейчас ложатся к случаю строки Марциала. Ты только не подумай дурного.

Спятил ты, что ли, скажи? На глазах у толпы приглашенных
Ты шампиньоны один жрешь себе, Цецилиан?
Что же тебе пожелать на здоровье брюха и глотки?
Съесть бы тебе как-нибудь *Клавдиев сладкий грибок!*

Пертинакс аж поперхнулся, и недоеденный гриб вылетел у него изо рта на стол.

– Довольно на сегодня Марциала! – строго сказал Пертинакс. – Ты что-то сильно разошелся, Валериан. Твои шутки неуместны.

– Еще раз, прости меня! – повинился грамматик, однако не смог сдержаться и продолжал улыбаться, сжав губы, стараясь только, чтобы смешок не вырвался наружу.

– И как ты его терпишь, август? – проворчал Клавдий Помпеян. – Ты даешь этому грамматiku слишком много вольности. Одно дело – трепаться о том, что богов нет, другое – надсмехаться над императором убийством другого императора. Неужели Валериан уйдет отсюда без наказания?

– Мы с детства дружили с Валерианом, – пожал плечами Пертинакс. – К тому же время расправ за слова закончилось. Я уверен, он понял, что его шутка мне неприятна. Ведь так, друг мой?

– Да, август! Если выпало в империи родиться, лучше жить подальше от столицы. Где-нибудь у берега моря, там ты не узнаешь горя. Никто тебя не будет затыкать, свободно Марциала будешь ты читать.

– Да этот грамматик сегодня просто в ударе! – воскликнул Помпеян и поперхнулся, закашлявшись. – Есть у тебя что-то кроме эпиграмм?

– А это уже и не Марциал написал.

В триклиний вошла жена Пертинакса, Флавия Тициана. Ей было почти вдвое меньше лет, чем Пертинаксу, и она не блистала красотой, зато всегда и во всем поддерживала мужа. Пертинакс любил обсуждать с ней любые темы – политику, книги, искусство, слухи и даже чисто женские интересы – ткани, украшения, прически. Флавия Тициана, казалось, имела суждения по любому вопросу и говорила образно, но четко, легко переходя с латыни на чистый греческий.

Флавия улыбнулась мужу и сказала, что пища переваривается намного лучше, если ее принимать под музыку и пение. За ней появились два молодых арфиста с инструментами. Отдельно от них в триклиний вошел стройный молодой человек с копной золотистых волос. Она обернулась к нему, и в глазах ее полыхнул огонь.

– Элий будет сегодня петь. А это самые известные сейчас в Риме арфисты – Целий Пет и Авл Гармодиан. Их исполнение просто великолепно! Элий уже репетировал с ними.

Пертинакс потихоньку спросил жену – не слишком ли дорого обошлось приглашение известных арфистов? В ответ она лишь погладила его по бороде.

Элий имел замечательный голос и знал наизусть много песен. Раньше он часто пел в театре Помпея и театре Марцелла в хоре в разных постановках. Однако вскоре его сильный, чистый голос выделил из всех остальных один сенатор, и Элий стал петь только для этого сенатора и его друзей. Познакомившись с Флавией Тицианой, юноша стал часто бывать в доме Пертинакса. Флавия влюбилась в талантливого симпатичного парня и он, недолго думая, стал ее любовником. Пертинакс спокойно относился к увлечению жены, их семейному глубокому взаимопониманию певец нисколько не мешал. Элий не наглел, не требовал подарков, не вел себя вызывающе и потому спокойно жил сначала в доме Пертинакса в Каринах, а потом переехал и в императорский дворец. Юноша гордился, что спит с императрицей, но знал меру и, гуляя по городу или находясь в гостях у кого-то из патрициев, либо в таверне, он не афишировал, кто он, хотя многие знали, за чей счет живет певец. Как бы ни был Пертинакс бережлив, Флавия Тициана одаривала любовника все новыми и новыми драгоценностями, но их Элий тоже почти не носил, чтобы не выделяться, а складывал в шкатулку. Он знал, увлечение императрицы может быть недолгим, а потом надо будет жить дальше, и неизвестно, когда и как он покинет дворец. Лишь по личному настоянию Флавии Тицианы Элий иногда появлялся в украшениях.

Целий Пет и Авл Гармодиан, устроившись с арфами рядом с одной из ниш, где стояла гигантская статуя обнаженного Юпитера, начали играть в унисон красивое вступление. Элий расположился рядом с ними, специально не приближаясь к столу, пока его не позовет импе-

ратор или кто-то из его гостей. Когда он запел, Валериан Гемелл и Клавдий Помпеян сразу обратили взоры в его сторону, выказывая Пертинаксу одобрение таким замечательным певцом. Флавия Тициана присела на мраморную скамью неподалеку от любовника и все время тихонько подпевала.

Однако музыканты успели исполнить только одну композицию, как раб сообщил о приходе зрителя дворца Эклекта и его молодой жены Марции.

Пертинакс ждал Эклекта, у него был к нему серьезный разговор, Марции частично он тоже касался. Император распорядился принести еще форели, вина и салата. Прикинув, что беседа будет не очень приятной, а гостей необходимо успокоить, он велел принести также и сладкие пироги с ягодной начинкой.

Только лишь Элект в дорогой шелковой одежде появился в дверях триклиния в сопровождении Марции, как раб сообщил о приходе вольноотпущенника Александра с женой Ливией.

Сажать вольноотпущенника, хоть и такого преданного, как Александр, рядом с другими гостями Пертинакс не стал. Он позвал его, чтобы дать ответственное поручение. Но так как император не хотел надолго оставлять гостей, он быстро переговорил с Флавией Тицианой, чтобы она встретила Александра и посвятила в суть дела. Вместе с императрицей навстречу вольноотпущеннику пошел и Элий, оставив музыкантов играть без его пения.

Ливия и Александр для приема у императора оделись в самые лучшие одежды, на руки надели браслеты, их переполняла гордость, что сегодня они будут сидеть за одним столом с августом. Впрочем, Ливия изначально сомневалась, что все пройдет так, как нарисовал в своем воображении ее муж. Александр планировал заранее сгустить краски по поводу происков Диция Юлиана и даже приврать, лишь бы его слова выглядели весомо.

Когда раб ввел их в *перистиль*, где находился огромный фонтан, их встретил другой раб, который повел их дальше и сообщил, что у императора его старые друзья и вряд ли он примет своего вольноотпущенника. Вид этого разжиревшего раба, пахнущего духами, очень не понравился Александру. Голос раба был неприятный, в нем явно чувствовались нотки злобы. Дворцовые рабы и вольноотпущенники жили сытой, очень достойной жизнью и, если бы не ограничения в правах, никто бы не догадался, что эти люди неполноправные члены римского общества.

Лишь на пороге триклиния Александр и Ливия увидели вдалеке за столом императора и его гостей. Дальше их не пустила императрица. Флавия Тициана холодно улыбнулась Александру и его жене и позвала их в соседнее с триклинием помещение, где в центре стоял фонтан и обычно устраивались праздники и выступления музыкантов и комедиантов.

Элий, шедший за своей госпожой, так же холодно поприветствовал Александра. Они были мало знакомы, но Александр, горячо любивший жену, не разделял свободные нравы, царившие в доме Пертинакса, и потому сторонился певца.

Флавия Тициана указала гостям на скамью, окружающую фонтан, сама же села в принесенное Элием кресло напротив них.

– Мой муж, император, позвал вас сегодня, но не сможет принять. Он попросил меня поговорить с вами от своего имени.

– Мы рады служить августу! – смиренно, но с достоинством произнес Александр.

Ливия, впервые оказавшись во дворце, не знала, как себя вести. Ей хотелось рассматривать замысловатые узоры мозаичных полов из самых дорогих цветных пород мрамора, мощные кессонные потолки, бесконечные ряды статуй, заполнявшие залы и перистили, необыкновенно яркие и сложно сюжетные фрески на стенах, огромные бронзовые и керамические вазы, красивую мебель из ценных пород древесины. Но она смотрела на все это мельком, стараясь не уронить своего достоинства, представляя себе, что ей следует быть сдержанной, словно пресыщенная роскошью жизни римская матрона.

– Через три дня на вилле у сенатора Дидия Юлиана соберется компания известных римлян, будет ужин, много вина, музыка, и все потом наверняка перейдет в оргию. Ты, Александр, по поручению императора должен быть там.

Александр и Ливия переглянулись. Сама судьба вновь наталкивала их на Дидия Юлиана.

– Сам император, конечно, не может и не хочет посещать такие встречи. Ты будешь его представителем. Твоя задача, Александр, постараться быть везде, где только начинают шептаться два или более человек. Можешь сколько угодно пить, что угодно говорить, трахать кого захочешь, но твоя задача – быть все время начеку и выяснить, кто распространяет слухи, что Коммод был убит.

– Прости, госпожа, я не совсем понимаю...

– Ты должен слушать и наводить людей на разговор о смерти Коммода. Надо узнать, кто впервые начал об этом говорить. Запоминай имена. Главная цель – префект претория Эмилий Лет. Император подозревает его больше всех. Но это может оказаться и кто-то другой. Я понимаю, Александр, одному человеку не под силу услышать разговоры десятков людей, поэтому тебе необходимо взять с собой свою красивую жену. Ее обаяние развязет многие языки. Кроме жены – ее, кажется, Ливия зовут? – тебе в помощь будет мой Элий. Лучше вам не общаться при всех и даже сделать вид, что вы не знакомы или знакомы крайне мало. Это понятно?

– Понятно, госпожа. Но так ли уж необходима Ливия? – сказал взволнованный Александр. – Я бы не хотел, чтобы кто-то дотрагивался до моей жены.

Флавия Тициана, прищурив глаза, с насмешкой посмотрела на вазописца и рассмеялась.

– Это дело ваше, каким образом добыть для императора необходимые сведения. Считайте, это не просьба, а приказ: вам двоим обязательно надо быть у Дидия Юлиана. Награда не заставит себя ждать – я уверена, деньги и новые должности нужны каждому. Ведь правда?

– Да, госпожа, но...

– Никаких «но», Александр. Вспомни, где ты жил еще несколько недель назад и приходил на виллу в Каринах от случая к случаю. А теперь ты на вилле управляющий. Всегда легко вернуться обратно, в Субуру.

Александр был в замешательстве.

– Ты все понял? – властно и строго спросила Флавия Тициана.

– Да.

– Ты был при моем муже, когда он еще не взял меня в жены, – немного смягчившись, сказала императрица. – Иногда он говорил мне, какой ты преданный и талантливый. Я помню твою смелость в Британии, как ты спас Пертинакса. Теперь дело именно такой важности, Александр. Муж не просидел на троне и одного месяца, а у него уже есть враги. Эти неведомые твари, а может, и одна тварь, преследуют свои цели, чтобы помешать мужу спокойно править. Слух о насильственной смерти Коммода может привести к волнениям. Для убедительности, что вознаграждение последует, вот тебе этот перстень с рубином. Он как раз принадлежал Коммоду, совсем немного мне, а теперь тебе. Помни, через три дня! Ты пойдешь к Дидию Юлиану в сопровождении проверенных людей. Их возглавит Марий – твой знакомый по Британии.

Флавия Тициана поднялась и, больше не глядя на Александра и Ливию, ушла. Элий бросил на супругов холодный, немного презрительный взгляд, который Александр поймал. Учтывая, что Элий должен был помогать им в осуществлении поставленной задачи, этот взгляд говорил, что реально помощи не следует ждать, каждый будет стараться для себя.

Ливия молчала, потупившись. Александр обнял жену и поцеловал в щеку.

– Все хорошо, любимая! Мы все раз узнаем и станем жить здесь, в этой роскоши! Почему ты такая грустная?

Ливия подняла на мужа полный слез взгляд.

– А тебе радостно? Там меня будут рассматривать, словно я голая, трогать за грудь, бедра, захотят овладеть мной, а может, и овладеют, да и не один. А я выходила замуж, чтобы быть только твоей.

– Ну, любимая, не драматизируй. Это не пьеса в театре. Я уверен, что до этого не дойдет.

– Ты был на таких встречах у богатей? Все знают, что там происходит.

– Не был. Когда я жил у Пертинакса, он, из скромности и скарденности, ничего подобного не устраивал. Но я знаю, что слухи о таких пирах преувеличены. Я тебя не дам в обиду.

– А если придется выбирать – я или успешно выполненное задание Флавии Тицианы, что даст тебе возможность жить во дворце или иметь миллионы сестерциев?

Вместо ответа Александр нежно обнял жену и поцеловал.

В этот момент появился раб и, видя происходящее, сразу спросил, не хотят ли гости уединиться, и он отведет их в отдельную комнату. Но получив от Ливии отрицательный ответ, он пригласил супругов от имени императора отужинать. Однако, когда Александр узнал, что ужинать им предстояло не с самим Пертинаксом, а с вольноотпущенниками, работавшими во дворце, он вежливо отказался.

Флавия Тициана, хоть и была неголодна, присоединилась к ужину в триклинии, дабы поддерживать статус любящей жены и императрицы. Каждому из гостей она улыбнулась и сказала пару добрых слов.

Валериан Гемелл, захмелев, оставил стихи, позабыл свое вечное ёрничество и теперь смотрел на всех благостно, а на Марцию еще и с вожделением. Клавдий Помпеян устал от общения, от долгого нахождения за столом у него разболелась спина, арфисты стали раздражать его своей музыкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.